

**Томас Майн Рид**

**Белый вождь**



**МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

Мастера приключений

Томас Майн Рид

**Белый вождь**

«ВЕЧЕ»

1855

## **Майн Рид Т.**

Белый вождь / Т. Майн Рид — «ВЕЧЕ», 1855 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4444-8671-9

Конец XVIII века. Сан-Ильдефонсо – городок где-то на окраине Великой североамериканской прерии. Здесь всегда ярко светит солнце, зеленеют луга, серебрятся реки. Все девушки здесь – сплошь красавицы, ибо даже местные дурнушки имеют утонченный вкус и понимают толк в красивых платьях. Под стать им гарнизонные офицеры – грудь колесом, горят глаза, топорщатся усы, с небрежностью, достойной императоров, волочат они по земле длинные сабли, позвякивая шпорами. Разомлел беспечный Сан-Ильдефонсо, распоясался. Здесь флиртуют, играют в карты, порой бесчинствуют. Но ведь кто-то же должен бороться со злом под солнцем, пусть даже и на краю мира. Легенда о Белом вожде – одна из жемчужин приключенческой литературы. Талант Майн Рида, тонкого и увлекательного рассказчика, явлен в этой книге с первых строк и вряд ли кого оставит равнодушным.

ISBN 978-5-4444-8671-9

© Майн Рид Т., 1855

© ВЕЧЕ, 1855

## Содержание

Библиография Томаса Майн Рида	6
ГЛАВА I	8
ГЛАВА II	11
ГЛАВА III	17
ГЛАВА IV	22
ГЛАВА V	26
ГЛАВА VI	30
ГЛАВА VII	32
ГЛАВА VIII	35
ГЛАВА IX	40
ГЛАВА X	44
ГЛАВА XI	48
ГЛАВА XII	51
ГЛАВА XIII	54
ГЛАВА XIV	56
ГЛАВА XV	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

# **Томас майн Рид**

## **Белый вождь**

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

\* \* \*

## Библиография Томаса Майн Рида

### Книжные публикации

- «Военная жизнь» (War Life, 1849)  
«Вольные стрелки» (The Rifle Rangers, 1850)  
«Охотники за скальпами» (The Scalp Hunters, 1851)  
«Жилище в пустыне» (The Desert Home, 1852)  
«В поисках белого бизона» (The Boy Hunters, 1853)  
«Гудзонов залив» (The Young Voyageurs, 1854)  
«Изгнанники в лесу» (The Forest Exiles, 1854)  
«Охотничьи досуги» (The Hunter's Feast, 1855)  
«Белый вождь» (The White Chief, 1855)  
«В джунглях Южной Африки» (The Bush Boys, 1855)  
«Юные охотники» (The Young Yagers, 1856)  
«Квартеронка» (The Quadroon, 1856)  
«Тропа войны» (The War Trail, 1857)  
«Охотники за растениями» (The Plant Hunters, 1857)  
«На невольничьем судне» (Ran Away to Sea, 1858)  
«Оцеола, вождь семинолов» (Oceola, 1859)  
«Морской волчонок» (The Boy Tar, 1859)  
«Лесные бродяги» (The Wood Rangers, 1860) – переработка романа Г. Ферри  
«Охотник на тигров» (A Hero in Spite of Himself, 1861) – переработка романа Г. Ферри  
«Отважная охотница» (The Wild Huntress, 1861)  
«Охотники на медведей» (Bruin, 1861)  
«Мароны» (The Maroon, 1862)  
«Затерянные в океане» (The Ocean Waifs, 1863)  
«Эндрю Деверел» (Andrew Deverel, 1863) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида  
«Ползуны по скалам» (The Cliff Climbers, 1864)  
«Белая перчатка» (The White Gauntlet, 1864)  
«Пропавшая сестра» (Lost Lenore, 1864) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида  
«Возвращение к цивилизации» (Left to the World, 1865) – автор Ч. Бич, под ред. Т. Майн Рида  
«Молодые невольники» (The Boy Slaves, 1865)  
«Всадник без головы» (The Headless Horseman, 1865)  
«Бандолеро» (The Bandolero, 1866)  
«Водой по лесу» (Afloat in the Forest, 1867)  
«Охотники за жирафами» (The Giraffe Hunters, 1867)  
«Вождь гверильясов» (The Guerilla Chief and Other Tales, 1867)  
«Жена-дитя» (The Child Wife, 1868)  
«Беспомощная рука» (The Helpless Hand, 1868)  
«Остров дьявола» (The Planter Pirate, 1868)  
«Белая скво» (The White Squaw, 1868)  
«Желтый вождь» (The Yellow Chief, 1869)  
«В джунглях Борнео» (The Castaways, 1870)  
«Одинокое ранчо» (The Lone Rancho, 1871)  
«Перст судьбы» (The Finger of Fate, 1872)  
«Смертельный выстрел» (The Death Shot, 1873)

«Кубинский патриот» (The Cuban Patriot, 1873)

«Сигнал бедствия» (The Flag of Distress, 1876)

«Гвен Уинн» (Gwen Wynn, 1877)

«Черный мустангер» (The Wild-Horse Hunters, 1877) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т.

Майн Рида

«Золотой браслет» (The Cadet Button, 1878) – автор Ф. Уиттекер, под ред. Т. Майн Рида

«Гаспар гаучо» (Gaspar the Gaucho, 1879)

«Королева озер» (The Captain of the Rifles, 1879)

«Американские партизаны» (The Free Lances, 1881)

«Охота на левиафана» (The Chase of Leviathan, 1881)

«Огненная земля» (The Land of Fire, 1884)

«Затерявшаяся гора» (The Lost Mountain, 1885)

«Переселенцы Трансвааля» (The Vee-Boers, 1885)

«Пронзенное сердце и др. истории» (The Pierced Heart and Other Stories, 1885)

«Без пощады!» (No Quarter! 1888)

## ГЛАВА I

Действие происходит в глубине американского материка, на расстоянии доброй тысячи миль от морского побережья.

Вскарабкайтесь вместе со мной на эту гору. С ее снежной вершины открывается превосходная панорама.

Интересно знать, что мы увидим оттуда?

На севере – лабиринт гор, проходящих через тридцать параллелей и достигающих Ледовитого океана, на юге – горы, местами разделенные на хребты, местами образующие беспредельные громады. На западе – тоже горы, отчетливо вырисовывающиеся на ясном небе и чередующиеся с обширными плоскогорьями, прилегающими к их основанию.

Теперь обернемся и посмотрим на восток. Там нет ни одной горы. Ни одной горы на тысячу с лишним миль. Темная линия, тянущаяся над равниной, представляет собой лишь каменистую поверхность другой равнины, расположенной на несколько большей высоте.

Где же мы находимся? На какую вершину мы поднялись?

Мы поднялись на Сиерру-Бланку<sup>1</sup>, более известную охотникам под названием Испанского пика. Мы находимся на западной окраине Великой прерии.

В восточном направлении не видно ни малейших следов цивилизации. Чтобы отыскать их, пришлось бы странствовать по крайней мере месяц. На севере и юге нет ничего, кроме гор.

Другое дело – на западе. Вооружившись подзорной трубой, вы заметите узкую полосу вспаханных полей, извивающуюся вдоль берега сверкающей реки. Это селения Новой Мексики<sup>2</sup>, оазис, орошаемый Рио-дель-Норте<sup>3</sup>. Но не там разыгралась наша драма.

Оглянитесь еще раз на восток. Место действия здесь. Гора, на вершине которой мы стоим, опирается основанием в гладкую равнину, уходящую в бесконечность. На этой равнине вам не удастся отыскать даже самого маленького холмика. Она вплотную прилегает к горе. Достаточно сделать один шаг, чтобы перейти с ее пустынной поверхности на скалистые, покрытые соснами холмы.

Вид равнины в достаточной мере разнообразен. Кое-где на ней зеленеют луга. Но большая часть ее так же бесплодна, как Сахара. Голая, обожженная солнцем земля кажется коричневой. Местами она приобретает желтоватый оттенок песка. Местами, там, где на ней отлагается соль, она кажется такой же белой, как снег, на котором мы стоим.

Убогую растительность, покрывающую эту равнину, не назовешь изумрудной мантией. Листья агав испещрены малиновыми крапинками, а темная зелень кактусов кажется еще темнее на фоне толстых черноватых колючек. Запыленные ветки юкк напоминают заржавленные штыки; тенью малорослых, искривленных акаций могут удовольствоваться разве только агамы<sup>4</sup> и гремучие змеи<sup>5</sup>. Одинокие пальмы с гладкими стволами и пышными верхушками придают

---

<sup>1</sup> *Сиерра-Бланка* (Бланка-пик, Испанский пик) – одна из высших точек Скалистых гор (4409 метров). – *Здесь и далее примеч. ред.*

<sup>2</sup> *Новая Мексика* – название населенных мест по берегам Рио-дель-Норте и ее притокам.

<sup>3</sup> *Рио-дель-Норте* (*Рио-Браво*) – главная река Мексики, берущая начало в Скалистых горах, тянущаяся на протяжении трех тысяч пятисот километров и впадающая в Мексиканский залив. Она образует пограничную черту в тысячу двести километров между Мексикой и США. Большая часть ее притоков, из которых самым значительным является Рио-Кончос, настолько мелководны, что периодически высыхают.

<sup>4</sup> *Агамы* – род ящериц из семейства агамидовых, отличающихся серо-стальным телом и огненно-красной головой.

<sup>5</sup> *Гремучая змея* (*кротал*) – самая значительная из американских змей. Отличительный признак ее составляют «гремушки» – роговые кольца в виде конуса, сидящие одно за другим на конце хвоста. Основной цвет темно-серый; на коже разбросаны причудливые пятна и полосы. Средняя длина – полметра, но встречаются экземпляры до двух метров. Гремучие змеи держатся преимущественно в скалистых местностях и кустарниках. По отзывам наблюдателей, они ленивы, довольно добродушны и бросаются на людей только в случае крайности. Действие их яда смертельно. Замечательно, что свиньи не

унылой равнине отдаленное сходство с Африкой. Но глаз быстро устает от созерцания пейзажа, характерными чертами которого являются угловатость и колючесть. А в Великой прерии таковы не только деревья, но и все остальные растения. Даже у трав есть свои колючки.

Зато как приятно смотреть на прелестную долину, расположенную на восток от подошвы горы! Какой контраст с бесплодной прерией! Эта долина покрыта ярко-зеленым ковром, затканном цветами, блестящими на солнце словно драгоценные камни. Бавольник<sup>6</sup>, дикое чайное дерево, каменный дуб и ива сплетают между собой свои ветви и образуют тенистые рощи, как будто зазывающие усталого путника. Откликнемся на этот зов.

Теперь мы стоим у подошвы горы. Но до прелестной долины еще далеко. Они там, внизу, на расстоянии по крайней мере трехсот метров от нас. С высоты утеса, на котором мы остановились, представляется возможность осмотреть ее во всех подробностях.

Поверхность этой долины так же ровна, как и поверхность возвышающегося над ней плоскогорья. Глядя на нее сверху вниз, можно подумать, что частица равнины погрузилась в земные недра и вынырнула оттуда, обогащенная той жизненной силой, в которой природа отказала более высоким местностям.

По обе стороны этой долины, сливаясь с горизонтом, тянутся два скалистых хребта, неровная линия которых то возвышается до тысячи футов, то резко понижается. Пройти через них можно только в немногих местах. Они отделены друг от друга расстоянием в десять миль и до такой степени похожи между собою, что кажутся совершенно одинаковыми. Вид отвесных сумрачных скал, нависших над веселой и яркой долиной, невольно вызывает представление о прекрасной картине, вставленной в грубую дубовую раму.

Река, напоминающая серебристую змею, разделяет долину пополам. Она течет не прямо, а извилинами, как будто нарочно задерживаясь в этом очаровательном уголке. Частые повороты и спокойное течение указывают на то, что русло ее проходит по ровной местности. Берега покрыты лесом. Но и тут наблюдается некоторое разнообразие. Местами высокие деревья образуют густую чащу, местами растут сравнительно редко, беспрепятственно пропуская солнечные лучи к блестящим струям; кое-где зеленые лужайки вплотную спускаются к воде.

Кое-где виднеются небольшие рощицы. Очертания их весьма разнообразны. Одни совершенно круглые, другие вытянутые, овальные, третьи изгибаются наподобие рогов изобилия. Отдельные деревья обращают на себя внимание исключительной красотой. Глядя на них, невольно восторгаешься искусством природы. В общем долина напоминает прекрасный разбитый парк. Лес служит ей как бы рамой, но не прячет ее красот.

Может быть, очаровательный пейзаж является только придатком к дворцу или замку какого-нибудь знатного лорда? Нет. Здесь нет ни дворца, ни замка. Никаких признаков человеческого жилья. Никаких следов человека. Стада оленей спокойно бродят по райскому уголку, статные лоси отдыхают в тени прохладных рощ, но людей нет и в помине. Может быть, нога человека никогда...

Подождите. Один из наших спутников опровергнет мое предположение. Послушаем, что он расскажет.

Это долина Сан-Ильдефонсо. Она производит впечатление необитаемой и дикой. Между тем в прежние времена здесь жили цивилизованные люди. Посмотрите, там, ближе к середине, виднеется какая-то беспорядочная груда. Деревья и густая трава не позволяют вам рассмотреть ее. Это развалины города.

---

боятся этих змей и истребляют их в большом количестве. В начале XIX века гремучие змеи были очень многочисленны, но по мере распространения земледелия число их уменьшилось. Теперь они встречаются только в западных штатах и на берегах Мексиканского залива.

<sup>6</sup> *Бавольник (хлопчатник)* – род растений семейства мальвовых, культивируемый главным образом ради длинных пушистых волокон, из которых выделяется хлопок. В семенах заключается масло, употребляемое на мыло, краски, освещение и т. д. Первоначальной родиной хлопчатника считают Индию. В диком состоянии он встречается в Азии и Америке.

Да, здесь некогда стоял город – большой и благоденствующий. Здесь была крепость, на зубчатых стенах которой развевался испанский флаг. Здесь была миссия отцов иезуитов. Усадьбы богатых золотоискателей и фермеров кольцом окружали городские стены. Население жило тревожной и суетливой жизнью. Кипели страсти. Люди томились любовью, ненавистью, честолюбием, алчностью и жаждой мести. Сердца, в которых пылали эти страсти, давно уже превратились в прах. Поступки, совершенные под их влиянием, не были записаны нигде. Воспоминание о них сохранилось только в легендах, которые придадут были характер сказки.

Между тем этим легендам нет еще и ста лет. Сто лет назад с высоты той горы, на которую мы только что взбирались, можно было любоваться не одним только Сан-Ильдефонсо, но и множеством других городов, сел и деревень. Теперь на их месте не найдешь никаких следов цивилизации. Названия их забыты, а история погребена под грудой развалин.

Индейцы отомстили убийцам Монтесумы<sup>7</sup>. Если бы англосаксы не помешали их замыслам, ста, нет, даже пятидесяти лет оказалось бы достаточно, чтобы потомки Кортеса<sup>8</sup> и его спутников бесследно исчезли с лица Анагуакской земли<sup>9</sup>.

Я расскажу легенду Сан-Ильдефонсо.

---

<sup>7</sup> *Монтесума* – последний император Мексики, побежденный Кортесом. Покончил с собой голодной смертью в 1520 году.

<sup>8</sup> *Кортес* (1485–1547) – испанский конквистадор, завоеватель Мексики, прославившийся не только своими подвигами и открытиями, но и необыкновенной жестокостью по отношению к ацтекам.

<sup>9</sup> *Анагуак* – южная часть обширной Мексиканской возвышенности, некоторые вершины которой переходят за снеговую линию. Местность эта страдает недостатком воды, так как падающие с горных вершин потоки вливаются в море, не успев пробить глубокого русла.

## ГЛАВА II

По всей вероятности, ни в одной стране нет такого количества религиозных праздников, как в Мексике. Полагаю, что фиесты<sup>10</sup> способствуют внедрению христианства в души туземцев, католическое духовенство значительно расширило и пополнило свои календари. Почти каждую неделю празднуется память того или иного святого, причем каждое празднование, разумеется, сопровождается обыкновенным маскарадом, во время которого разносятся хоругви, организируются процессии, священники шествуют в дорогих облачениях, пускаются фейерверки, а глупые обыватели с непокрытыми головами стоят на коленях в пыли. Впрочем, лондонские празднества в память о Пороховом заговоре Гая Фокса<sup>11</sup> проходят почти так же и имеют приблизительно такое же влияние на нравы населения.

Конечно, падре устраивают эти церемониальные представления не только ради забавы. По столь торжественному случаю, как празднование памяти святого, щедро раздаются благословения, отпущения грехов и порция святой воды. Все это отнюдь не безвозмездно. Каждый верующий грешник, сколько-нибудь склонный к покаянию, старательно «общипывается». Зато ему обещают, что путь его в рай будет приятен и не слишком долог.

В этих праздниках нет и следа настоящего благочестия. Мексиканцы смотрят на них как на развлечение. И нередко какой-нибудь коленопреклоненный богомолец употребляет невероятные усилия, чтобы заставить замолчать раскудахтавшегося петуха, спрятанного в складках его «серапэ»<sup>12</sup>.

Впрочем, в дни фиесты местные жители не особенно склонны утруждать себя молитвами и земными поклонами. Отдав дань религии, они спешат насладиться скачками, боем быков и другими состязаниями. Священники, руководящие религиозной церемонией, принимают в этих развлечениях живейшее участие. При желании всякий может поставить против них свой доллар или дублон<sup>13</sup>.

День святого Хуана принадлежит к числу главных и наиболее чтимых мексиканских праздников. В этот день – особенно в ново-мексиканских деревнях – никто не остается дома. Все население торопится на сборный пункт, которым большей частью является ближайший луг. Там происходят различные состязания – скачки, «ловля быка за хвост», «подвешенный петух» и другие. В промежутках между состязаниями мужчины играют в карты, курят и ухаживают за женщинами.

В таких случаях соблюдается истинно республиканское равенство. Различие между богачами и бедняками, сеньорами и крестьянами стирается. В праздничные дни всем дозволено веселиться на равных основаниях.

Сегодня день святого Хуана. На обширном зеленом лугу, прилегающем к Сан-Ильдефонсо, собралось все городское население. Праздник в полном разгаре. Скоро начнутся состязания. Пока они еще не начались, смешаемся с толпой и посмотрим, из кого она состоит.

Все слои городского населения – вернее, все городское население – налицо. Вот пробираются на свое место два толстых отца иезуита из миссии, одетые в длинные рясы из гру-

---

<sup>10</sup> *Фиеста* (исп.) – праздник.

<sup>11</sup> Гай Фокс (1570–1606) – дворянин-католик, один из участников неудавшегося Порохового заговора против английского и шотландского короля Якова I в 1605 году. Англичане традиционно отмечают «ночь Гая Фокса» (ночь на 5 ноября): под грохот фейерверков сжигают соломенное чучело в старых одеждах, символизирующее Гая Фокса, которому было поручено зажечь пороховой фитиль в подвале палаты лордов в Лондоне. Иногда за Гая Фокса поднимают бокал со словами «За последнего человека, вошедшего в парламент с честными намерениями».

<sup>12</sup> *Серапэ* – длинный плащ из шерстяной ткани.

<sup>13</sup> *Дублон* – золотая монета в Испании, Италии, Америке.

бой саржи. На животах их болтаются распятия и четки. Макушки их гладко выбриты. Такие макушки не могли бы служить трофеями апачам<sup>14</sup>.

Вот священник городской церкви, бросающийся в глаза благодаря своей длинной черной сутане, широкополой шляпе, черным шелковым чулкам и башмакам с блестящими пряжками. Он то приветливо улыбается знакомым, то бросает недобрые, хитрые взгляды на окружающую его толпу. Когда он усаживает какую-нибудь вновь прибывшую даму на отведенное ей место, на белых пальцах его ярко сверкают драгоценные камни. Давшие обет безбрачия священники славятся своим пристрастием к женскому полу.

Взгляните на эти скамейки, ряды которых возвышаются друг над другом. Хотите знать, кто занимает их? Впрочем, с первого же взгляда ясно, что они принадлежат местной аристократии. Вот богатый купец Хозе Ринкон, его толстая супруга и четыре упитанных скучающих дочери. Вот жена и дети алькада<sup>15</sup>. Вот и сам алькад, держащий в правой руке жезл с шелковыми кистями. Вот красавицы Эшеварри, считающие себя неотразимыми, и брат их, известный щеголь, променявший обычную одежду мексиканцев на модный парижский костюм. Вот богатый фермер сеньор Гомец дель-Монте, владелец бесчисленных стад и обширных земель. Вот другие фермеры со своими сеньорами и сеньоритами. Всеобщее внимание привлекает прелестная Каталина де Крусес, дочь зажиточного золотоискателя, дона Амброзио. Счастлив будет человек, которому удастся завоевать сердце этой девушки или, вернее, доброе расположение ее отца, считающего себя вправе распоряжаться судьбой дочери по собственному усмотрению. Ходят слухи, что дело уже слажено и что скоро состоится свадьба Каталины с капитаном Робладо – правой рукой гарнизонного командира. А вот и капитан! У него огромные усы, мундир его расшит золотом, он сердито хмурится при виде каждого смельчака, дерзающего остановить взор на красавице Каталине. Важная осанка... расшитый золотом мундир... Нет, Каталина проявила неважный вкус в выборе жениха. Впрочем, ее ли это вкус? По всей вероятности, нет. По всей вероятности, это вкус дона Амброзио. Будучи человеком простого происхождения, он жаждет иметь своим зятем настоящего идальго<sup>16</sup>. Он знает, что у капитана нет за душой ничего, кроме жалованья, взятого за несколько месяцев вперед. Но это не останавливает его. Робладо – истый «гачупино»<sup>17</sup>, в жилах которого течет «голубая кровь». С ним охотно породнился бы не один тщеславный выскочка.

---

<sup>14</sup> *Апачи* – когда-то могущественное индейское племя, ныне живущее в резервациях в Мексике и Аризоне.

<sup>15</sup> *Алькад* (арабск. – судья) – представитель городского общественного управления в Испании, исполняющий также некоторые судебные функции.

<sup>16</sup> *Идальго* – дворянин (исп.).

<sup>17</sup> *Гачупино* (человек со шпорами) – презрительное прозвище, данное мексиканцами и креолами чистокровным испанцам, родившимся в Старом Свете.



Среди присутствующих находится и командир гарнизона полковник Вискарра. Это человек лет сорока. Золотое шитье на мундире и плюмаж на каске придают ему сходство с павлином. Он холост. Беседуя с отцами иезуитами, городскими священниками и алькадом, он нежно поглядывает на всех хорошеньких «поблан»<sup>18</sup>, проходящих мимо него. Побланы с любопытством смотрят на его великолепный мундир. Принимая их любопытство за восхищение, полковник, считающий себя донжуаном<sup>19</sup>, расточает им любезные улыбки.

---

<sup>18</sup> *Поблана* – название всякой деревенской девушки или женщины, применяемое обыкновенно только к красавицам.

<sup>19</sup> *Дон Жуан* – обольститель женщин, герой древнеиспанской саги, обработанной впоследствии многими знаменитыми писателями (Тирсо де Молина, Мольер, Байрон, Пушкин и др.).



А вот и третий офицер – их всего трое, – поручик Гарсиа. Наружность у него гораздо привлекательнее, чем у полковника и капитана. И побланы, и прекрасные сеньориты благоклонно относятся к нему. Удивительно, что красавица Каталина не выказывает ему предпочтения. Впрочем, кто поручится за это? Мексиканки умеют таить свои чувства и держать язык за зубами.

Трудно сказать, кто занимает в эту минуту мысли Каталины. Ей уже двадцать лет. Сердце ее вряд ли свободно. Но кому же могла она отдать его? Робладо? Готов биться об заклад, что нет. Гарсии? Это гораздо вероятнее. Но ведь в Сан-Ильдефонсо живут не только офицеры. Может быть, выбор Каталины пал на какого-нибудь молодого фермера, золотоискателя или щеголя-купца? Кто знает! Пойдемте дальше.

Звеня шпорами и волоча по земле длинные сабли, гарнизонные солдаты обмениваются замечаниями с закутанными в серапе торговцами, мелкими золотоискателями и фермерами. Подобно офицерам, они считают своим долгом важничать и принимать горделивые позы. По одному этому уже ясно, что военная власть играет в стране громадную роль. Гарнизон состоит из кавалеристов. Никакая пехота не смогла бы справиться с индейцами.

Драгуны искренне убеждены в том, что неугомонное позвякивание шпор и надоедливый шум волочащихся по земле сабель придают им особенную внушительность. Все они поглядывают на поблан. А возлюбленные поблан зорко следят за ними и томятся ревностью.

Побланами называют только самых красивых девушек данной местности. Но в день святого Хуана все девушки кажутся хорошенькими. И красавицы, и дурнушки вырядились в свои лучшие платья. Со всех сторон мелькают голубые, ярко-красные и фиолетовые юбки, отделанные кружевами. Вышитые корсажи сверкают белоснежной чистотой. Голубоватые шали закры-

вают от нескромных взоров девичьи шеи, руки и груди. Некоторые кокетки прячут даже лицо. Однако к вечеру красавицы большей частью сбрасывают свои шали. По необыкновенной гладкости и нежности их кожи легко угадать, что они только что смыли с себя «аллегрию», уродовавшую в течение двух недель их юные лица.

Этот своеобразный обычай очень распространен среди мексиканских женщин. Они употребляют вместо крема сок ягоды, известной в их стране под названием «аллегрии». Вымазанные им лица приобретают на редкость отталкивающий вид. Дело в том, что сок этого растения отличается пурпурно-красным цветом, несколько напоминающим сок черники. Некоторые путешественники утверждают, что мексиканки натираются им ради красоты. Но это неверно. «Аллегри» употребляется местными красавицами для сохранения хорошего цвета лица. Они смывают ее обычно только по большим праздникам.

По случаю дня святого Хуана ранчери<sup>20</sup> надели свои лучшие национальные костюмы; на них бархатные штаны, расширяющиеся книзу и разрезанные по бокам, высокие светло-желтые сапоги, кожаные или бархатные куртки с позументами, изящно вышитые рубашки и красные шелковые пояса. Головным убором им служат черные широкополые сомбреро<sup>21</sup>, украшенные золотыми и серебряными галунами. Некоторые ранчери заменили куртки плащами, небрежно спадающими с плеч. Они приехали на праздник верхом; шпоры, красующиеся на их ногах, весят добрых пять фунтов, а колесики этих шпор достигают трех, четырех и даже пяти дюймов в диаметре.

Точно так же одеты гамбусины (мелкие золотоискатели, промывающие золото собственными руками), молодые горожане и мелкие торговцы. Людей, принадлежащих к высшему слою общества, чиновников и крупных торговцев легко узнать по суконным курткам и штанам, несколько напоминающим обычный костюм европейцев. Это своего рода компромисс между парижскими модами и национальными обычаями.

Впрочем, большинство присутствующих одето иначе. В толпе преобладает костюм «пуэбло», или усмиренных индейцев, работающих на приисках и лишь недавно обращенных в христианство. Он чрезвычайно прост. Главной частью его является «тильма», то есть широкая куртка без рукавов, сильно напоминающая простой мешок с отверстием для головы и двумя прорезами для рук. Кушака к ней не полагается, так что она свободно болтается на плечах. Обычно ее делают из грубой шерстяной материи местного производства. Цвет этой ткани грязновато-белый; несколько пропущенных сквозь нее цветных ниток образуют почти незаметный узор. Тильма, штаны из бараньей кожи и грубые сандалии составляют всю одежду усмиренных индейцев Мексики. Шляп они не носят. Ноги их, обнаженные от щиколотки до колена, блестят, словно старая бронза.

Краснокожие туземцы, работающие на рудниках или при миссии, пришли на праздник целыми толпами. Жены и дочери их сидят, поджав ноги, на земле перед маленькими циновками, сплетенными из тростника или пальмовых листьев, на которых разложены туньи, петайи<sup>22</sup>, сливы, абрикосы, виноград, жареные орехи, арбузы – словом, все, чем богаты окрестные горы. Другие женщины торгуют сладостями, медом и лимонадом. Третьи продают сладкие маисовые лепешки, называемые пилонсиллами, и вареные корни агав. Некоторые, склонившись над жаровнями, готовят тортильи, то есть лепешки, употребляемые мексиканцами вместо хлеба, варят красный перец или размешивают в особых глиняных горшках муку пополам с шоколадом и сахаром. За несколько медяков эти скромные продавщицы с радостью отпустят вам порцию «аголя» – сладкой кашицы, приготовленной из мелко размолотого маиса, или

---

<sup>20</sup> *Ранчери* – владелец ранчо, то есть хижины; говоря иными словами, мелкий фермер. Мексиканские ранчери больше занимаются скотоводством, чем земледелием.

<sup>21</sup> *Сомбреро* – черная широкополая шляпа, украшенная золотым или серебряным галуном, служащая головным убором мексиканцам.

<sup>22</sup> *Туньи, петайи* – плоды разных видов кактусов.

горшок пиньоле, представляющего собою маисовую похлебку. Многие торгуют сигарами из местного табака и «агвардиенте» – плохо очищенной водкой, приготовленной из маиса или алоэ.

У этих импровизированных стоек постоянно толпятся солдаты и приисковые рабочие. Навесом, защищающим товары от солнца, служат все те же плетенки из пальмовых листьев, укрепленные в виде зонтов над головами торговков.

Особое внимание следует обратить на группу молодых людей, предполагающих участвовать в состязаниях. Они по справедливости заслуживают название героев дня.

Это молодые люди, принадлежащие к различным слоям общества. Каждый из них приехал на своей лучшей лошади. Всадники непринужденно гарцуют по зеленому лугу и, останавливаясь перед скамьями, занятыми прекрасными сеньоритами, заставляют своих коней проделывать всевозможные курбеты. Среди этих всадников – золотоискатели, фермеры, пастухи, торговцы, простые ранчери и, наконец, «сиболеро», охотники на бизонов. Жители Мексики прекрасно ездят верхом. Даже горожане в совершенстве владеют этим искусством.

Около сотни молодых людей собираются принять участие в предстоящих состязаниях. Они должны начаться с минуты на минуту.

## ГЛАВА III

Состязания должны были начаться с колео де-торос, что в переводе означает «ловля быков». Только в самых больших мексиканских городах можно найти арены, специально оборудованные для боя быков. Зато в каждой деревушке, как бы незначительна она ни была, распространено колео, не требующее никаких особых приспособлений; для него необходимы лишь открытая местность и дикий бык. Зрелище это менее увлекательно, чем бой быков, так как участники состязания подвергаются сравнительно небольшой опасности. Впрочем, быки довольно часто поднимают на рога преследующих их лошадей и наносят всадникам серьезные увечья. Иногда бывают даже смертельные случаи. Во время погони за быком отдельные лошади нередко спотыкаются и падают. Кони остальных участников состязания, беспорядочно теснящиеся, топчут своими копытами друг друга и не успевших подняться с земли всадников. Зрителям приходится видеть иногда ужасные картины. Участвовать в колео могут только смелые, сильные и искусные наездники. Молодежь ново-мексиканских селений относится с величайшим уважением к победителям на этом поприще.

Убедившись, что все готово, герольд возвестил о начале состязания. Приготовления к нему не отличались сложностью. Надо было только заставить зрителей выстроиться по одной стороне площадки, чтобы выпущенный на свободу бык беспрепятственно устремился вперед. В случае несоблюдения этого правила испуганное животное может ринуться на толпу и наделать много бед. Не желая рисковать жизнью, мексиканки поспешили взобраться на свои громадные телеги, выстроенные в ряд недалеко от трибуны. Сеньорам и сеньоритам, сидящим на удобных скамейках, не грозила, разумеется, ни малейшая опасность.

Участники колео заняли свои места. На первое состязание записалось двенадцать человек. Эти молодые люди, считавшиеся превосходными наездниками, горели желанием показать свою удаль. Среди них были ранчери, щеголявшие живописными национальными костюмами, погонщики мулов, золотоискатели с окрестных гор, горожане, фермеры из долины, пастухи, покинувшие ради праздника свои стада, и охотники, проводящие большую часть времени в обширных прериях.

Всеобщее внимание обращали на себя несколько драгун. Казалось, они радовались возможности выказать свое превосходство в искусстве верховой езды.

Дождавшись условного сигнала, пастухи подъехали к устроенному неподалеку корралю<sup>23</sup> и вывели оттуда быка. Пешему человеку невозможно было бы справиться с ним. Эту ответственную задачу взяли на себя два опытных наездника-ваккеры<sup>24</sup>. Они накинули на рога зверя свои лассо<sup>25</sup> и зорко следили за ним, готовые при первом же подозрительном движении повалить его на землю.

Вид у быка был в достаточной мере страшный. Он то и дело вскидывал голову и грозно смотрел по сторонам. Казалось очевидным, что малейший пустяк может окончательно разъярить его. Он сердито бил себя хвостом по бокам, угрожающе наклонял свои длинные прямые рога, тяжело дышал и время от времени взрывал копытами землю. С первого же взгляда было ясно, что это один из свирепейших представителей своей породы.

С напряженным интересом рассматривая зверя, присутствующие делали всевозможные предположения относительно его качеств. Некоторые находили его слишком жирным, другие

---

<sup>23</sup> *Корраль* – огороженное место, загон для скота.

<sup>24</sup> *Ваккери* – погонщик.

<sup>25</sup> *Лассо* – крепкая веревка, или плетеный ремень, оканчивающийся мертвой петлей, посредством которого жители Америки (преимущественно Южной) овладевают дикими животными.

утверждали, что он окажется необыкновенно резвым. В быках, участвующих в колео, быстрота бега ценится больше свирепости.

Обмен мнениями послужил поводом к заключению многочисленных пари о результатах состязания и количестве времени, которое понадобится всадникам, чтобы настигнуть быка, схватить его за хвост и бросить на землю.

Для колео выбирается более сильный, быстроногий и свирепый бык, и участникам состязания запрещено пользоваться не только каким бы то ни было оружием, но даже и лассо – задача их далеко не легкая. Раздраженное животное скачет почти так же быстро, как лошадь. При таких условиях догнать его и свалить с ног чрезвычайно трудно. Это настоящий подвиг, требующий ловкости, силы и необыкновенного умения владеть конем. Задача состоит в том, чтобы схватить быка за хвост и повалить на землю.

Животное остановилось приблизительно в двухстах шагах от участников состязания. Голова его была повернута в сторону равнины. Освободив массивные рога от лассо, ваккеро пустил в спину быка несколько заостренных шутих. При виде рванувшегося вперед зверя публика громко ахнула.

В следующий момент всадники пришпорили своих лошадей. Каждый из них издал при этом воинственный клич.

Скоро они рассеялись по равнине, словно свора гончих, преследующих лисиц, и стали вытягиваться в прямую, местами раздвоенную линию, достигавшую нескольких сот ярдов длины. Они быстро продвигались вперед, размахивая на ходу хлыстами, пришпоривая коней и подбадривая их громкими восклицаниями.

Придя в бешенство от хлопучек, лопавшихся у него на боках, бык несся во весь опор по равнине. Даже самым лучшим коням долго не удавалось наверстать те двести ярдов, которые отделяли их от животного. Оно пробежало добрую милю, не подпустив к себе ни одного всадника. Наконец рослый драгун на большой гнедой лошади подскакал к нему и схватил его за хвост. Однако бросить быка на землю было не так-то просто. Публика видела, что драгун дважды пытался сделать это. Но зверь устоял на ногах, вырвался и снова понесся по равнине, лишь слегка изменив первоначально взятое им направление.

Вскоре его догнал молодой фермер на великолепном коне. Но каждый раз, как он протягивал руку, бык быстрым движением ускользал от него. Когда же фермеру все-таки удалось завладеть хвостом, бык внезапно рванулся в сторону и, чуть не вывихнув руку своего врага, стремительно помчался вперед.

Согласно предварительным условиям, каждый участник состязания выбывал из строя после первой же неудачи. Фермеру и драгуну пришлось ретироваться.

Вернувшись к трибунам, они объехали их сзади, чтобы не показывать публике своих опечаленных лиц.

Бык бешено мчался. За ним теснились разгоряченные и взволнованные всадники. Через некоторое время к нему приблизился другой драгун. Его сменили пастух и еще два всадника, но всем им не повезло. Каждую победу быка зрители приветствовали восторженными криками.

Падание нескольких всадников вызвало на трибунах взрыв хохота. Одну из лошадей, случайно преградивших ему дорогу, бык поднял на рога.

Не прошло и десяти минут, как одиннадцать участников состязания принуждены были признать себя побежденными.

Одному только всаднику предстояло еще попытать счастье.

Бык блестяще зарекомендовал себя. Симпатии зрителей склонялись на его сторону. То и дело слышались рукоплескания.

– Bravo, бык! Bravo! Брависсимо! – звучало со всех сторон.

Взоры присутствующих были устремлены на разъяренное животное и на единственного всадника, еще продолжавшего скакать за ним. Оба они находились на сравнительно небольшом

расстоянии от трибун; преследуемый бык несколько раз менял направление и теперь мчался в обратную сторону. Достигнув приблизительно того места, где на него напал первый драгун, он стал пересекать равнину наискось. Благодаря этому все движения его были отчетливо видны с трибуны.

На этот раз быку предстояло иметь дело с превосходной лошадьё и превосходным наездником.

Взволнованные зрители пророчили ему поражение.

Конь, которым они восхищались, был большим вороным мустангом<sup>26</sup>. Длинный пушистый хвост его суживался книзу и напоминал хвост стремительно бегущей лисицы. Конь скакал во весь опор, слегка наклонив шею. Гордый силуэт его, четко выделявшийся на фоне зеленой травы, невольно вызывал восхищение.

Южному владельцу мустанга было не более двадцати лет. Светлые вьющиеся кудри и нежно-розовый цвет лица отличали его от остальных участников состязания, людей смуглых и черноволосых. Национальный мексиканский костюм, разукрашенный шнурами и вышивкой, плотно облегал его стройную фигуру. Обыкновенное серапе он заменил «мангой», то есть изящным, дорогим плащом. Эта манга была откинута назад и свободно развевалась по ветру, придавая всему облику юноши необыкновенную грациозность.

Внезапное появление этого прекрасного наездника, державшегося до сих пор позади всех и как будто нарочно плотно заворачивавшегося в длинный плащ, возбудило всеобщее любопытство. Присутствующие стали спрашивать друг у друга, кто он.

– Это сиболеро Карлос, – раздался чей-то громкий голос.

Все слышали эти слова.

Некоторым из зрителей имя сиболеро Карлоса было, по-видимому, известно, но большинство не имело о нем никакого представления.

– Почему же он медлит до сих пор? – спросил один из них соседа. – Ведь он мог уже давно догнать быка.

– Каррамба! – ответил сосед. – Конечно, мог бы. Он просто хотел дать остальным участникам состязания возможность попытать счастья. Ему было ясно, что никому из них не удастся повалить быка.

По-видимому, это предположение было правильно.

Молодому охотнику ничего не стоило догнать быка. Черный мустанг перешел в галоп. Красивые ноздри его широко раздувались только потому, что он был разгорячен долгим ожиданием. Да и теперь ему приходилось сдерживать свой пыл.

---

<sup>26</sup> *Мустанги* – дикие лошади американских прерий, произошедшие от домашних.



В тот миг, когда один из зрителей, сидевших на трибуне, крикнул соседу: «Смотрите-ка!» – всадник внезапно изменил тактику. Очутившись на расстоянии двадцати шагов от цели, он пришпорил коня. Мустанг понесся вдвое быстрее и в несколько прыжков догнал быка. Зрители видели, как юноша схватил длинный хвост и дернул его сначала вверх, потом вниз. В следующее мгновение он быстрым движением приподнялся в седле. Громадное животное грузно упало на спину. Все это сиболеро проделал с величайшей легкостью.

Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он имеет дело не с быком, а с домашней кошкой. С трибуны грянуло громовое «браво!». Победитель поскакал назад и, несколько раз поклонившись дружно приветствовавшей его публике, скромно смешался с толпой.

Многие утверждали, что поклоны сиболеро относились далеко не ко всем зрителям и что глаза его были все время устремлены на прекрасную Каталину де Крусес. Некоторым показалось даже, что она улыбнулась ему в ответ и что лицо ее сияло от радости. Но вряд ли это было возможно. Трудно представить себе, чтобы наследница богатого дона Амброзио удостоила своей улыбкой простого охотника.

Другая девушка действительно улыбалась ему. Это была белокурая поблана, сидевшая на одной из телег. Победитель остановил подле нее своего коня. Сходство между ними сразу бросалось в глаза. У них были одинаковые волосы, одинаковые черты лица, одинаковый цвет кожи. Уж не связывало ли их кровное родство? Да, красивая белокурая девушка была сестрой молодого охотника. При виде торжества брата она счастливо улыбалась.

Рядом с ней сидела какая-то странная женщина. Это была старуха с белыми, как лен, волосами. Она молчала, но выразительные глаза ее казались прикованными к лицу сиболеро.

Некоторые зрители смотрели на нее с любопытством, смешанным со страхом. Очевидно, она пользовалась неважной репутацией.

– Ведьма! Колдунья! – многозначительно говорили друг другу соседи.

Но замечания подобного рода произносились шепотом. Иначе их могли бы услышать Карлос или его сестра. Старуха была их матерью.

## ГЛАВА IV

Праздник продолжался. Бык, поваленный молодым охотником, угрюмо брел по равнине. Он не мог вторично участвовать в состязаниях. Его отвели на аркане в загон, куда за ним должен был явиться сиболеро, которому, согласно правилам, он теперь принадлежал.

На луг вывели второго быка. За ним тотчас же помчались двенадцать новых всадников.

Эти всадники были искуснее первых, и преследуемый ими бык отличался меньшим проворством. Они почти сразу не только догнали, но и перегнали его. Вдруг, совершенно неожиданно, бык круто изменил направление и побежал назад, прямо к трибунам.

Побланы, сеньоры и сеньориты разразились громкими криками. Да и как им было не кричать! Еще несколько секунд – и рассвирепевший бык бросился бы на толпу.

Его преследователи остались далеко позади. На то, чтобы повернуть скакавших во весь опор лошадей, потребовалось немало времени. Даже всадники, все время державшиеся впереди, сильно отстали.

Молодые люди, участвовавшие в первом состязании, уже сошли со своих коней. А ни один пеший человек не рискнул бы преградить дорогу разъяренному быку.

На трибуне воцарилось смятение. Воздух огласился громкими криками мужчин и пронзительными женскими воплями. Всем угрожала смертельная опасность. Никто не мог быть спокоен за свою жизнь.

Ряды телег, на которых сидели испуганные мексиканки, вплотную примыкали к трибуне и тянулись по обеим сторонам ее на довольно далекое расстояние, образуя вместе с ней большой полукруг. Ворвавшись в этот полукруг, бык помчался вдоль телег прямо к скамейкам. Можно было подумать, что он наметил себе определенную цель. Женщины вскочили со своих мест и, потеряв от страха рассудок, стали метаться по трибуне. Казалось, они вот-вот бросятся на рога взбешенного животного. Начиналась паника.

В это мгновение из-за телег выступил юноша, державший в руках лассо. И не успела толпа опомниться, как мертвая петля уже обвилась вокруг длинных рогов. Не медля ни секунды, юноша подбежал к небольшому дереву, стоявшему в центральной части полукруга, и поспешно привязал к нему свободный конец лассо. Это было сделано как раз вовремя. Если бы прошло еще хоть четверть минуты, храбрец оказался бы в ужасном положении.

Как только он затянул узел, до слуха перепуганных зрителей донесся глухой звук. Внезапно остановленный бык грохнулся на землю. От толпы его отделяло только несколько десятков шагов!

– Bravo! Bravo! – хором раздалось с трибун. Люди начинали понемногу приходить в себя от пережитого потрясения.

– Bravo! Да здравствует сиболеро Карлос!

Однако бык все еще представлял достаточную опасность. Свободу его движений стесняло только длинное лассо. Как и следовало ожидать, он быстро поднялся на ноги и ринулся на толпу. К счастью, веревка была не настолько длинна, чтобы он мог добежать до трибуны. Он снова упал. Толпа шарахнулась в сторону, опасаясь, что ему каким-нибудь образом удастся освободиться от лассо. Между тем участники второго состязания вплотную подскружили к быку. Они поспешили накинуть на его шею аркан, спутали ему ноги и наконец повалили его набок.

Укрощенный зверь вышел из строя. О том, чтобы выпустить его вторично, не могло быть и речи. Ввиду отсутствия других быков колео де-торос объявили оконченным.

В то время как делались приготовления к очередному номеру программы, молодежь продолжала состязаться в ловкости. Это была своего рода интермедия, отличавшаяся большим разнообразием. Прежде всего стали набрасывать лассо на ногу бегущего изо всех сил человека. Согласно условиям игры, петля должна была затянуться у самой щиколотки. Лассо бросали

и всадники, и пешие. Победа в этой игре давалась сравнительно легко, и опытные наездники смотрели на нее с явным пренебрежением.

Потом занялись подниманием шляпы. Эта игра состояла в том, что всадники должны были поднять на полном скаку с земли свои сомбреро. Почти все жители Сан-Ильдефонсо с полным основанием считали себя чемпионами этой игры. Участие в ней приняли только мальчишки. Человек двадцать юных всадников рассыпались по лугу. Они мчались бешеным галопом и то и дело наклонялись, подбирая разбросанные по траве шляпы.

Поднимать на полном скаку более мелкие вещи было далеко не так легко. Как только на земле засверкали монеты, лучшие местные наездники выразили желание показать свою ловкость.

Полковник Вискаarra встал и попросил слова. Когда наступила тишина, он бросил на зеленую траву золотой.

– Эта монета, – сказал он, – достанется тому, кто поднимет ее с первого же раза. Готов биться об заклад пятью дублонами, что мне придется вручить ее сержанту Гомецу.

Некоторое время царило молчание. Для жителей Сан-Ильдефонсо пять дублонов составляли порядочную сумму. Только состоятельный человек мог швыряться такими деньгами.

Однако вызов полковника не остался без ответа. Через несколько мгновений выступил вперед один молодой ранчero.

– Я согласен поспорить с вами, полковник Вискаarra, – заявил он. – Может быть, сержант Гомец и поднимет ваш золотой. Но я утверждаю, что среди присутствующих есть человек, который сделает это не менее ловко, чем он. Если желаете, можете удвоить ставку.

– Назовите вашего кандидата, – сказал Вискаarra.

– Это сиболеро Карлос.

– Хорошо. Ваше предложение принято.

Полковник обернулся к толпе.

– Пусть желающие покажут нам свое искусство, – продолжал он. – Всякий раз, как кто-нибудь поднимет монету, я буду заменять ее новой. Вторичные попытки не разрешаются никому.

Первым кандидатам не повезло. Некоторые из них дотронулись до монеты и даже сдвинули ее с места, но ни один не поднял ее.

Наконец из рядов всадников выехал драгун на большой гнедой лошади. Все сразу узнали сержанта Гомеца, того самого, который схватил за хвост быка и чуть было не одержал победы в первом состязании. Воспоминание о только что пережитой неудаче делало еще более неприятным его угрюмое лицо. Этот высокий, широкоплечий человек был, бесспорно, хорошим наездником, но сложен он был довольно нескладно и, судя по наружности, вряд ли отличался особой ловкостью и проворством.

Приготовления не требовали большого количества времени.

Сержант внимательно осмотрел подпругу, снял мешавшую ему саблю и поскакал вперед.

Через несколько секунд лошадь его поравнялась с монетой. Гомец наклонился, схватил ее и даже поднял. Но, как оказалось, ему удалось сжать между пальцев только самый краешек монеты. Блеснув в последний раз на высоте стремени, она упала на землю.

Крики, раздавшиеся с трибуны, выражали одобрение и в то же время разочарование. Некоторые жители Сан-Ильдефонсо склонны были отнестись снисходительно к сержанту только потому, что его кандидатуру выставил полковник Вискаarra. Полковник не пользовался особенной любовью. Но многие боялись его и находили нужным считаться с ним.

Следующим помчался к монете сиболеро на своем блестящем вороном коне. Все глаза были устремлены на Карлоса. Красота юноши вызывала общее восхищение. Но мужчины упорно не признавались себе в этом и недоверчиво смотрели на белокурые волосы и нежно-

розовое лицо молодого охотника. Они относились к нему с предубеждением, как к представителю враждебной им расы.

Предубеждения такого рода чужды женскому сердцу. Сеньориты, сидевшие на трибуне, отдали должное привлекательной наружности Карлоса. Не одна пара прекрасных черных глаз с восторгом следила за каждым движением белокурого «американца». Такова была национальность молодого охотника.

Но не одни только сеньориты благосклонно смотрели на Карлоса, и восторженные восклицания срывались не с одних только женских уст. Среди поработанных, запуганных тагнос<sup>27</sup> были люди, сохранившие воспоминание о минувших днях и о той свободе, которой наслаждались их предки. Эти люди собирались, иногда тайком в горных пещерах, разводили «священные» костры в честь бога Кетцалькоатля<sup>28</sup> и толковали между собой о Монтесуме.

Несмотря на то что кожа их была значительно темнее, чем у всех остальных зрителей, они не бросали враждебных взглядов на светловолосого и белолицего американца. В их непроясненном сознании мерцали лучи будущего. Какое-то таинственное инстинктивное предчувствие говорило им, что от ига испанской тирании их освободят пришельцы с востока, со стоны великих прерий.

Карлос счел ниже своего достоинства тратить время на приготовления. Не снимая манги, он беспечно отбросил ее назад; длинные полы легли красивыми складками на круп лошади.

Повинуясь воле своего хозяина, мустанг понесся вскачь. Каждое движение колен, сжимавших его бока, было понятно ему. Он начал кружить по луку, постепенно развивая все большую и большую быстроту.

Достигнув подходящего места, всадник направил коня к блестящему кружку золота. На трибунах стало очень тихо. Поравнявшись с монетой, Карлос нагнулся, схватил ее, подбросил в воздух и, внезапно остановив лошадь, подставил ладонь. В то же мгновение золотой очутился в его руке.

Все это было проделано с искусством и непринужденностью индусского жонглера. Даже самые предубежденные зрители не нашли в себе сил удержаться от рукоплесканий. И громкое «браво!» в честь сиболера Карлоса снова огласило воздух.

Сержант чувствовал себя униженным. В течение долгого времени он неизменно одерживал победы в такого же рода состязаниях. До этого дня Карлос или вовсе не появлялся на праздниках, или довольствовался ролью зрителя. Полковник Вискаarra тоже переживал неприятную минуту. Он был огорчен и неудачей своего любимца, и проигрышем. Два дублона составляли в те времена значительную сумму даже для коменданта пограничной крепости. К тому же Вискаarra досадовал на то, что прекрасные сеньориты были свидетельницами неудачи, которой, кстати сказать, он совершенно не ожидал. С этой минуты в нем зародилась ненависть к сиболеру Карлосу.

Следующее состязание состояло в скачке к оросительному каналу, проходившему недалеко от луга. Хорошие наездники радовались возможности показать в полном блеске свое искусство.

Этот канал был настолько широк, что лошади не могли перескочить через него, и настолько глубок, что перспектива выкупаться в нем пугала даже наиболее решительных людей. Подскакать галопом к самому краю его дерзали только отважные и опытные наездники. Согласно условиям, они должны были остановить лошадь на полном скаку с таким расчетом, чтобы все четыре копыта ее отпечатались за чертой, установленной заранее и почти вплотную

---

<sup>27</sup> *Тагнос* – покоренные индейцы; назывались так в отличие от «бравос» – индейцев непокоренных.

<sup>28</sup> *Кетцалькоатль* – мексиканский бог войны, которому приносились человеческие жертвы. Согласно преданию, явился к ацтекам из-за океана и у него было белое лицо.

подходившей к берегу. Разумеется, почва у берега отличалась достаточной твердостью; в противном случае такое упражнение было бы совершенно немислимо.

Эту трудную задачу блестяще выполнили многие. Зрители с восторгом следили за интересным зрелищем. Домчавшись быстрым галопом до указанной черты, лошади внезапно останавливались, поднимались на дыбы и замирали на месте, сверкая глазами и раздувая ноздри. Такие картины не могли не вызвать восхищения. Но были моменты, когда публика хохотала до слез. Одинаково комическое впечатление производили и трусы, останавливавшие своих коней на далеком расстоянии от берега, и неловкие храбрецы, проносившиеся за черту и окунавшиеся в грязную воду глубокого канала. В обоих случаях с трибуны раздавались иронические замечания и взрывы веселого хохота. Вид мокрых и смущенных всадников, вылезавших из воды, поддерживал смешливое настроение. Победителям, разумеется, устраивались шумные овации.

Нет ничего удивительного в том, что мексиканцы, постоянно занимающиеся упражнениями такого рода, считаются лучшими наездниками в мире. Соперничать с ними почти невозможно. Зрители заметили, что Карлос не принимал участия в последнем состязании. Какие мотивы руководили им? Друзья его полагали, что он считал скачку к берегу канала недостойной себя. Наездника, уже дважды выказавшего свое искусство, не могла соблазнить такая легкая победа. И друзья Карлоса были правы. Он воздержался от последнего состязания именно потому.

Однако раздосадованный полковник имел на него совершенно другие виды. Капитан Робладо вполне сочувствовал своему начальнику. Дело в том, что он уловил – а может быть, ему только показалось это – какое-то странное выражение в глазах Каталины. Это выражение появлялось каждый раз, как молодой охотник одерживал новую победу. До крайности раздраженные, оба офицера выработали коварный план, имевший целью унижить Карлоса. Приблизившись к нему, они спросили, почему он не участвовал в последнем состязании.

– Оно показалось мне недостаточно интересным, – скромно ответил сиболеро.

– Да неужели? – насмешливо воскликнул Робладо. – Ну нет, мой милый! По всей вероятности, вами руководили какие-нибудь иные соображения. Остановить коня у самого края этого канала не так-то легко. Должно быть, вы просто боялись свалиться в воду.

Эти вызывающие слова были произнесены так громко, что все присутствующие услышали их. Окончив свою коротенькую речь, капитан Робладо презрительно расхохотался.

Обоим офицерам страстно хотелось увидеть Карлоса барахтающимся в воде. Они надеялись на несчастную случайность. Мустанг свободно мог оступиться или поскользнуться. Смешное положение, в котором очутился бы при этом юный американец, доставило бы капитану и полковнику громадное удовольствие. Человек, покрытый с ног до головы грязью, представляет собой весьма плачевную фигуру. Празднично настроенная толпа не замедлила бы осыпать его насмешками. Вот этого-то и жаждали Вискаarra и Робладо.

Возможно, что сиболеро раскусил их намерения. Во всяком случае, он ничем не обнаружил этого. Ответ его прозвучал совершенно спокойно. Услышав этот ответ, зрители забыли о самом существовании грязного канала. Внимание их устремилось в другую сторону.

## ГЛАВА V

Неподвижно сидя на своем мустанге, Карлос молчал. Он колебался. Вызывающие улыбки обоих офицеров и иронические слова Робладо задели его за живое. Скакать к берегу канала после того, как другие проделали это сравнительно легкое упражнение, только потому, что капитан Робладо подтрунил над ним, казалось ему в достаточной мере обидным. Вместе с тем он понимал, что отказ навлечет на него ряд упреков и насмешек. Может быть, именно этого и желали его враги?

У него были основания не доверять им. Он имел некоторое представление о деятельности этих двух офицеров. Слухи о них не могли не дойти до него, потому что оба они играли в Сан-Ильдефонсо первенствующую роль. Он знал также кое-какие подробности их личной жизни, и эти подробности говорили не в их пользу. Что касается Робладо, то у Карлоса были совершенно иные мотивы, по которым он его недолюбливал. Капитан платил ему той же монетой. Сам не подозревая об этом, он имел веские причины ненавидеть молодого американца. До праздника святого Хуана ему не приходилось сталкиваться с Карлосом, который почти никогда не бывал в долине. Возможно, что он даже ни разу не видал его. Во всяком случае, он не обменялся с ним ни одним словом. Карлос знал его гораздо лучше и задолго до этой встречи относился к нему с неприязнью, мотивы которой составляли его тайну.

Поведение капитана отнюдь не способствовало исчезновению этого чувства. Его высокомерные и язвительные слова больно задели молодого охотника.

– Капитан Робладо, – ответил он наконец, – я сказал, что последнее состязание показалось мне малоинтересным. Такого рода подвиг вряд ли может вызвать восхищение даже у десятилетнего мальчугана. Я не желаю мучить моего коня, останавливая его на полном скаку у края этой жалкой канавы. Но если...

– Если что? – иронически спросил Робладо, воспользовавшись паузой и не понимая, к чему клонит речь Карлос.

– Если вы расположены рискнуть дублоном... я ведь только бедный охотник и большей суммы поставить не могу... Если вы согласны поставить дублон, я попытаюсь сделать то, что десятилетний мальчуган, пожалуй, назовет подвигом...

– Что же вы попытаетесь сделать, сеньор сиболеро? – с усмешкой спросил офицер.

– Я подъеду галопом вот к тому обрыву.

– И остановитесь в десяти футах от края?

– Даже меньше, чем в десяти футах. Если угодно, мы проведем предельную черту на том расстоянии, которое было установлено для последнего состязания.

Толпа просто оцепенела от удивления. Трудно было поверить, что Карлос говорит серьезно. Предложение его казалось таким дерзким, таким безумным! Даже у озадаченных офицеров мелькнула мысль, что сиболеро насмехается над ними.

Утес, на который указал Карлос, представлял собою часть каменной стены, вздымавшейся над долиной. Широкий выступ его издали бросался в глаза. По высоте он не выделялся из общей линии скал, замыкающих Сан-Ильдефонсо. Лужайка, зеленевшая на вершине его, составляла продолжение равнины. С того места, где стоял Карлос, видна была только совершенно отвесная скала, без каких-либо уступов или выемок. Поперечные полосы, бороздившие ее поверхность, указывали на чередование пластов песчаника с пластами известняка. От луга, на котором происходили состязания, до вершины утеса было добрых триста метров. Смотреть с этой вершины вниз могли только люди с исключительно здоровыми нервами.

Таков был обрыв, к самому краю которого намеревался подскочить на своем мустанге сиболеро Карлос. Неудивительно, что пораженная толпа затихла, услышав его предложение. Вскоре тишину сменил беспорядочный хор громких восклицаний.

- Это невозможно!
- Он сошел с ума!
- Да это шутка! Он просто насмехается над офицерами.

Карлос играл поводьями и спокойно ждал ответа.

Впрочем, ждать ему пришлось не особенно долго. Обменявшись несколькими короткими фразами с Вискарой, Робладо снова подошел к молодому охотнику.

- Я принимаю ваше предложение. – Голос его звучал необыкновенно весело.
- Я тоже ставлю против вас дублон, – сказал полковник.
- Нет, сеньор, – с видимым сожалением ответил Карлос. – Я не могу увеличить ставку.

Все мое состояние заключается в одном дублоне. А сейчас вряд ли кто-нибудь согласится одолжить мне второй.

Карлос с улыбкой посмотрел на толпу. Однако присутствующие были настроены чрезвычайно серьезно. Многие содрогались от ужаса при мысли о той страшной гибели, которая ожидала безрассудного сиболеро.

– Для тебя мне не жалко и двадцати дублонов, друг! Но я не хочу поощрять твое безумное намерение.

Эти слова произнес тот молодой ранчери, который уже ставил на Карлоса..

– Спасибо, дон Хуан! – отозвался сиболеро. – Я знаю, что ты не пожалел бы для меня денег. Благодарю тебя. Не бойся. Я уверен в победе. Ха-ха-ха! Не для того провел я в седле целых двадцать лет, чтобы какой-нибудь гачупино...

– Сеньор! – в один голос воскликнули Вискара и Робладо, хватаясь за рукоятки своих сабель и грозно хмурия брови.

– Не сердитесь на мои слова, джентльмены! – с легкой иронией в голосе заметил Карлос. – Они случайно сорвались у меня с языка. Я вовсе не хотел оскорбить вас.

– Язык следует держать за зубами, – мрачно сказал Вискара. – Если вы еще раз позволите себе обронить подобное замечание, я заставлю вас горько раскаяться в этом.

– Благодарю, сеньор полковник! – со смехом ответил Карлос. – Может быть, я и воспользуюсь вашим советом.

На громкое проклятие Вискары молодой охотник не обратил ни малейшего внимания.

В это мгновение сестра его, настороженно следившая за всем происходящим, соскочила с телеги и выбежала вперед.

– Карлос! – воскликнула она, обнимая колени сиболеро. – Неужели это правда? Неужели ты в самом деле хочешь...

– Что, сестренка? – спросил он, улыбаясь.

– Неужели ты...

Язык отказывался повиноваться ей. Она молча обернулась и посмотрела на утес.

– Конечно, Розита! Почему нет? Как тебе не стыдно! Не надо беспокоиться за меня. Тут нет ничего страшного. Я уже делал это.

– Ах, дорогой мой Карлос! Я знаю, что ты смелый наездник. Второго такого наездника нет на свете. Но подумай только, какой опасности ты подвергаешься. Подумай о том...

– Полно, сестра! Не срами меня перед людьми. Лучше посоветуемся с матерью. Вряд ли ей придет в голову отговаривать меня.

С этими словами сиболеро направился к телегам. Сестра его последовала за ним.

Бедная Розита! В эту минуту на нее в первый раз устремились блестящие темные глаза, выражение которых не предвещало ничего доброго. Белокурая головка и прелестное личико молодой девушки невольно привлекали внимание. Красота ее зажгла опасный огонь в сердце одного человека. Между тем любовь его не сулила ничего, кроме бед. Этот человек был полковник Вискара.

– Смотрите, Робладо! – прошептал он своему подчиненному, игравшему при нем роль наперсника. – Смотрите! Черт побери! Да это настоящая Венера<sup>29</sup>. Клянусь честью, мне не случилось еще встречать подобной красавицы! Интересно знать, откуда она свалилась к нам?

– В первый раз в жизни вижу ее, – ответил капитан. – По всей вероятности, это сестра молодого американца. Слышите? Они называют друг друга братом и сестрой. Да, она действительно хороша.

– Сама судьба, – продолжал полковник, – посылает мне этот подарок. Я начинал изнывать от скуки. Жизнь в пограничной крепости дьявольски однообразна. Надеюсь, этого развлечения мне хватит на месяц. Как вы думаете?

– Вряд ли вам хватит его на целый месяц, полковник. В особенности, если та девица окажется столь же сговорчивой, как и все остальные. Но неужели вам уже надоела Инеса?

– Признаться, надоела. Уж очень она влюблена в меня. Терпеть не могу этого! В любовных делах, по-моему, лучше недосаливать, чем пересаливать.

– Надо надеяться, что эта белокурая красотка больше угодит вам. Хотел бы я знать, куда они идут?

Между тем Карлос и его сестра подошли к телеге, на которой сидела их мать, и о чем-то горячо заговорили с ней.

Полковник, капитан и многие другие тотчас же обступили телегу и стали прислушиваться к их беседе.

– Она хочет отговорить меня, мать! – сказал Карлос, успевший уже, по-видимому, поделиться своими планами со старухой. – Я пришел просить твоего согласия. Я сам предложил это пари. Мне хочется выиграть его во что бы то ни стало. Это для меня вопрос чести!

Последнюю фразу Карлос произнес особенно громко и торжественно. Ему все время приходилось наклоняться к самому уху матери, которая страдала глухотой.

– Кто хочет отговорить тебя? – спросила старуха, подняв голову и глядя на окружающих. – Кто?

– Розита.

– Пускай Розита пасет своих овец и тклет свои ребозо<sup>30</sup>. Но ты, сын мой, создан для большего. Ты создан для подвигов. Да, для подвигов! Недаром в жилах твоих течет кровь твоего отца. А он-то знал, что такое подвиги! Ха-ха-ха!

Услышав громкий смех старухи, присутствующие замерли. Она дико озиралась по сторонам.

– Иди! – воскликнула она, заломив руки над головой. – Иди, сиболеро Карлос! Покажи этим трусливым смуглолицым рабам, на что способен свободный американец! К обрыву! К обрыву!

Отдав сыну это ужасное приказание, старуха уселась на прежнее место и снова погрузилась в безмолвие.

Карлос не задал ей больше ни одного вопроса. Он рад был окончить разговор, принявший не слишком желательный для него оборот. Ему казалось, что некоторые из присутствующих слышали слова его матери. В то время как она произносила их, офицеры, священник и алькад обменивались многозначительными улыбками.

---

<sup>29</sup> *Венера* – римская богиня весны, садов и цветения. Культ ее был отождествлен с культом Афродиты – греческой богини красоты.

<sup>30</sup> *Ребозо* – голубовато-серые шали, служащие неотъемлемой частью одежды мексиканских женщин.



Карлос усадил Розиту в телегу, крепко поцеловал ее на прощание, вскочил на коня и поскакал вперед. Отъехав на порядочное расстояние, он остановился и посмотрел на ряды скамеек, занятых городскими сеньорами и сеньоритами. Женщины были сильно возбуждены. Все они горячо сочувствовали храброму сиболеро.

У одной из девушек, сидевших на трибуне, сердце билось не менее горячо и тревожно, чем у сестры Карлоса, но она должна была старательно скрывать свои чувства. В полном безмолвии приходилось ей переживать мучительнейшую агонию.

Карлос знал это. Достав из-за пазухи белый платок, он помахал им по воздуху, как бы посылая кому-то прощальное приветствие. Получил ли он какой-нибудь ответный знак или нет – для всех осталось тайной. Так или иначе он быстро повернул коня и галопом поскакал по направлению к плоскогорью.

Сеньоры, сеньориты и молодые побланы высказывали тысячу догадок относительно того, кому махнул на прощание платком отважный сиболеро. Много было сделано предложений, много было названо имен. Но только одно существо знало, ради кого задержал Карлос своего мустанга. Сердце этого существа замирало от ужаса и любви.

## ГЛАВА VI

Все, у кого были лошади, двинулись вслед за сиболеро, который скакал по направлению к тропинке, ведущей из долины на плоскогорье. Эта тропинка зигзагом извивалась по скалам: другой дороги вверх не было. Точно такая же тропинка, змеившаяся по противоположной гряде скал, перекрещивалась с первой посередине долины.

Несмотря на то что плоскогорье было расположено только на каких-нибудь триста метров выше Сан-Ильдефонсо, тропинка, ведущая к нему, тянулась на протяжении доброй мили. Луг, на котором происходили состязания, лежал на довольно далеком расстоянии от ближайших скал. Ввиду этого следовать за Карлосом пешком не представлялось возможным. В числе сопровождавших его всадников были, разумеется, все офицеры. Но большей части публики пришлось остаться в долине. Она подвинулась к скалам, чтобы хоть издали увидеть самую интересную и волнующую часть обещанного ей зрелища.

Ожидание продлилось больше часа. Но мексиканцы не любят попусту терять драгоценное время. Откуда ни возьмись, появился столик для «монте»<sup>31</sup>, на который тотчас же посыпались золотые и серебряные монеты. Особенно горячее участие в этой игре приняли отцы иезуиты. Дамы занялись другой игрой, «хузой» – менее азартной и волнующей. Бой между двумя громадными петухами, принадлежавшими алькаду и городскому священнику, целые полчаса потешал публику. Победа быстро склонилась в пользу представителя церкви. Серый петух священника убил черного петуха алькада, вонзив в голову его свои длинные стальные шпоры. Все присутствующие, за исключением алькада, нашли это зрелище и увлекательным, и приятным.

К тому времени как окончился петушиный бой, внимание толпы снова устремилось на маленькую группу, двигавшуюся по дороге к плоскогорью. Она уже достигла вершины большой скалы и, судя по всему, деятельно готовилась к приведению в исполнение опасного плана.

Очутившись наверху, Карлос указал то место, которое показалось ему наиболее подходящим для намеченной цели. С вершины выбранной им скалы не было видно ни других скал, ни большей части долины. Она сливалась с плоскогорьем и представляла собою совершенно гладкую равнину, покрытую густой зеленой травой. На этой равнине не было ни мочек, ни ям, так что мустангу не грозила опасность споткнуться.

Карлос, таким образом, выбрал подходящее место. Как уже говорилось, облюбованная им скала являлась продолжением плоскогорья и образовывала выступ в непрерывной цепи примыкавших к ней скал. Снизу она производила чрезвычайно внушительное впечатление, сверху казалась лишь частью равнины, вытянутой в форме языка.

Карлос подъехал к самому обрыву и внимательно осмотрел почву. Она должна быть так тверда, чтобы копыта лошади не скользили по ней и не слишком в нее вдавливались. Вискаarra, Робладо и некоторые другие ехали почти рядом с молодым американцем. Но большинство его спутников остались на почтительном расстоянии от ужасной пропасти. Даже уроженцы этой гористой страны не решались приблизиться к обрыву и посмотреть вниз.

Сиболеро на своем черном мустанге разъезжал по самому краю обрыва, намечал предельную черту и казался совершенно спокойным. Конь его не выказывал никаких признаков нервности. Было очевидно, что такого рода прогулки уже вошли у него в привычку. Время от времени он вытягивал шею, смотрел вниз, на долину, и, увидев там лошадей, пронзительно ржал. Желая дать ему возможность освоиться с местом, Карлос нарочно заставлял его держаться как можно ближе к обрыву.

---

<sup>31</sup> *Монте* – азартная карточная игра.

Линию провели в десяти футах от последних пучков травы, зеленевшей над бездной. Вискаarra и Робладо настаивали на меньшем расстоянии. Но их предложение было встречено ропотом возмущения и восклицаниями:

– Стыдно! Стыдно!

Чего добивались эти люди? Их намерений не подозревал никто. Между тем они желали смерти сиболеро. У обоих были на то свои основания. Оба ненавидели Карлоса. Причина или, вернее, причины их вражды возникли совсем недавно. В сердце Робладо ненависть зародилась всего только какой-нибудь час назад. Как и все, он видел, что, отъехав от трибуны, Карлос остановился и взмахнул белым платком. Ему сразу стало ясно, кому послал сиболеро свое прощальное приветствие. Удивлению и негодованию его не было границ. С этого момента он принял по отношению к Карлосу грубый и вызывающий тон.

Молодой ранчеро, последовавший за Карлосом на плоскогорье, настоял на увеличении ставки. Будучи человеком состоятельным, он имел возможность это сделать. Зловещие лица офицеров не внушали ему ни малейшего страха.

– Послушай, Карлос! – крикнул он, увидев, что приготовления подходят к концу. – Я вижу, ты твердо решил осуществить свое безумное намерение. Удержать тебя невозможно. Пусть так. Я больше не буду пытаться отговаривать тебя. Но мне не хочется, чтобы ты рисковал жизнью за грош. Возьми мой кошелек и бейся об заклад на крупную сумму.

С этими словами он бросил Карлосу кошелек, содержащий, судя по его объему, довольно много денег.

В течение нескольких мгновений сиболеро молча вертел кошелек в руках. Великодушное предложение приятеля обрадовало и взволновало его. По выражению лица его было видно, что он очень тронут.

– Нет, – сказал он наконец. – Нет, Хуан! Благодарю тебя от всего сердца. Но кошелек твоего мне не надо. Я возьму только один дублон. Мне хочется поставить его против коменданта.

– Возьми весь кошелек, Карлос! – воскликнул ранчеро.

– Спасибо, Хуан. Одного дублона мне за глаза хватит. Итак, у меня две золотые монеты. Два дублона! Большей суммы я никогда еще не ставил на карту. Подумайте только! Бедный сиболеро держит пари на целых два дублона!

– Делай, как знаешь, Карлос, – ответил Хуан. – Если ты не хочешь моих денег, я сам найду им употребление.

Он повернулся к полковнику.

– Вам, по всей вероятности, хочется вернуть свой проигрыш, полковник Вискаarra? Карлос согласен биться с вами об заклад на дублон. А я, в свою очередь, вызываю вас на десять дублонов.

– Извольте, – надменно ответил полковник.

– Может быть, вам угодно удвоить ставку? – спросил ранчеро.

– Угодно ли мне удвоить ставку? – повторил полковник, крайне рассерженный вызывающим тоном Хуана. – Я согласен учетверить ее, сеньор.

– Учетверить! – подхватил ранчеро. – Прекрасно! Итак, я ставлю сорок дублонов за то, что Карлос выполнит взятое на себя обязательство.

– Идет!

Отсчитав соответствующее количество золотых монет, противники вручили их одному из присутствующих и выбрали судей.

Убедившись в том, что приготовления окончены, зрители отхлынули на плоскогорье. Сиболеро, верхом на своем черном мустанге, остался один на обрывавшейся в пропасть скале.

## ГЛАВА VII

Толпа с настороженным вниманием следила за каждым движением Карлоса.

Он соскочил с коня и, скинув с себя мангу, отнес ее в сторону. Вслед за этим он осмотрел свои шпоры и попробовал, достаточно ли плотно прилегают они к сапогам. Потом он затянул пояс и глубже надвинул на голову сомбреро. Бархатные штаны он застегнул на все пуговицы, а охотничий нож и хлыст вручил Хуану.

Затем он занялся конем. Черный мустанг стоял неподвижно, слегка закинув голову назад. Казалось, он догадывался о том, что от него ждут какого-то подвига. Карлос тщательно осмотрел уздечку. Столь же тщательному осмотру подвергнул он и мундштук, сталь которого могла дать трещину. Он подтянул оголовь и проверил надежность поводьев, сплетенных из конского волоса. В противоположность обыкновенным кожаными поводьям такие поводья почти никогда не лопаются.

Особое внимание Карлос уделил седлу. Подойдя к мустангу сперва с одной стороны, потом с другой, он попробовал стременной ремень и осмотрел стремена, сделанные, по испанскому обычаю, из дерева. Дальше всего пришлось ему возиться с подпругой. Он расстегнул ее и, застегнув снова, крепко подтянул, упершись коленом в бок лошади. Он только тогда успокоился, когда оказался не в состоянии просунуть под крепкий ремень даже кончик мизинца.

Соблюдение этих предосторожностей вызывалось необходимостью. Ослабевший ремень или небрежно застегнутая пряжка могли стоить жизни молодому наезднику.

Убедившись, что все в порядке, Карлос взял в руки поводья и легко вскочил в седло.

Прежде всего он заставил своего мустанга прогуляться шагом вдоль обрыва, на расстоянии нескольких футов от края. Ему хотелось укрепить нервы лошади и свои собственные. С медленного шага мустанг постепенно перешел на рысь, а потом на галоп. Такая прогулка была в достаточной мере опасна. Люди, смотревшие на нее снизу, из долины, утверждали, что им еще никогда не случалось наслаждаться более захватывающим зрелищем.

Спустя некоторое время Карлос повернул коня на плоскогорье. Теперь мустанг мчался быстрым галопом – тем аллюром, которым он должен был подскочить к пропасти. Вдруг поводья натянулись. Остановившись на полном скаку, конь слегка привстал на дыбы. Тогда Карлос снова пустил его вскачь и снова остановил. Это упражнение он проделал по крайней мере раз двенадцать, останавливая лошадь то на скале, то на равнине. Разумеется, мустанг мог развить большую быстроту. В этом не сомневался никто из присутствующих. Но если бы он мчался во весь опор, остановить его в десяти футах от бездны не было бы никакой возможности. Даже выстрел в сердце не помешал бы ему сделать по инерции еще несколько шагов и свалиться вниз. При данных обстоятельствах от него нельзя было требовать более быстрого аллюра. Жюри, к которому Карлос обратился с вопросом, объявило, что оно вполне удовлетворено.

Наконец сиболеро привстал, снова опустился в седло и, казалось, прирос к нему. Мустанг повернулся к обрыву. По решимости, загоревшейся в глазах сиболеро, всем стало ясно, что роковая минута приближается.

Карлос слегка коснулся шпорами боков благородного животного. Не медля ни секунды, мустанг помчался прямо к бездне.

С напряженным вниманием следили зрители за каждым движением бесстрашного всадника. Сердца их бешено колотились. Кроме прерывистого дыхания присутствующих ни один звук не нарушал тишины. И особенно звонко раздавался поэтому гулкий стук копыт по твердой почве равнины.

Тревожное ожидание продолжалось недолго. В двадцать прыжков мустанг оказался на расстоянии пятидесяти футов от пропасти. Поводья по-прежнему свободно лежали на его шее.

Карлос не считал нужным постепенно затягивать их. Он знал, что может остановить своего коня одним движением руки. Останавливать его до предельной черты было бы бессмысленно. Еще прыжок. Еще! Еще! Мустанг уже переступил черту. Секунда – и он полетит вниз.

При виде всадника, промчавшегося галопом за предельную черту, зрители испуганно вскрикнули. Но в следующее мгновение крики ужаса сменились ревом восторга. Толпа, оставшаяся внизу, приветствовала Карлоса громким «браво!». Казалось, перекликаются два хора. На возгласы снизу, из долины, эхом отзывались крики спутников Карлоса.

В тот миг, когда лошадь уже готовилась совершить прыжок в бездну, сиболеро быстрым движением натянул поводья. Передние копыта мустанга замерли в воздухе, задние крепко уперлись в землю. Удержав коня в этом положении, Карлос поднял правую руку, снял свое сомбреро и, махнув им несколько раз, снова надел его на голову.



Толпа, стоявшая в долине, не помнила себя от восхищения. От передних копыт мустанга до края обрыва было не больше трех футов. Человек и конь, казалось, слились в одно целое. Их темные силуэты отчетливо вырисовывались на ярко-лазурном фоне неба. Как хороши были они оба! Одно только короткое мгновение стояли они неподвижно над зиявшей у их ног пропастью. Живой ли это всадник? Живой ли это конь? Зрителям представилось изваяние из бронзы, пьедесталом которому служила крутая скала. И это короткое мгновение запомнилось им на всю жизнь.

Рукоплескания не смолкали. Воздух звенел от восторженных криков. Они не прекратились и после того, как Карлос повернул коня и скрылся за скалой.

Он совершил то, что многие считали невыполнимым. Сердца зрителей, только что трепетавшие от ужаса, снова стали биться спокойно и ровно.

## ГЛАВА VIII

Когда сиболеро вернулся в долину, его встретил новый взрыв рукоплесканий. Приветственные крики толпы опять огласили воздух. Женщины махали белыми платочками. Но из сотни таких платочков Карлос видел только один, и ему этого было вполне достаточно. Остальные просто не существовали для него. Да и как мог он обращать на них внимание? Маленький кусочек прозрачного раздушенного батиста, обшитый тонкими кружевами, был для него олицетворением надежды, знаменем, ради которого он с радостью совершил бы самые смелые, самые безрассудные подвиги. Этот платочек держала маленькая рука, сверкавшая драгоценными камнями. И то обстоятельство, что обладательница маленькой руки радовалась его торжеству, наполняло сердце Карлоса безграничным счастьем.

Проехав мимо трибуны, он направился к ряду телег, соскочил с коня и поцеловал мать и сестру. За ним последовал Хуан, поставивший на него сорок дублонов. Надо сказать, что глаза прелестной белокурой Розиты далеко не все время были устремлены на Карлоса. Она дарила своими нежными взорами не только брата, но и его спутника – молодого ранчеро. Даже самые ненаблюдательные люди заметили, что эти нежные взоры не оставались без ответа: Хуан буквально не спускал глаз с сестры своего приятеля. Не могло быть сомнений в том, что молодые люди питают друг к другу сильную взаимную привязанность.

Приятель сиболеро был довольно зажиточным фермером. Из уважения к деньгам жители Сан-Ильдефонсо неизменно прибавляли к его имени частицу «дон». Но, строго говоря, различие между ним и Карлосом сводилось только к различию имущественного положения.

Дон Хуан не принадлежал к местной «аристократии» и относился к ней чрезвычайно пренебрежительно. Это был умный, смелый и решительный юноша. При желании ему ничего не стоило бы породниться с каким-нибудь знатным семейством. Но так называемая голубая кровь мало привлекала его. Он не испытывал никакого желания вступить в брак с дочерью того или иного «сеньора». Всякому человеку, видевшему, какими красноречивыми взглядами он обменивался с сестрою сиболеро, было ясно, что он не намерен искать невесту среди аристократии Сан-Ильдефонсо.

В небольшой группе людей, толпившихся вокруг телеги, в которой сидела мать Карлоса, царило неподдельное веселье. Тут же была устроена импровизированная пирушка. Появились консервы, фрукты, прохладительные напитки и лучшие местные вина. Хуан вообще славился щедростью. А в этот день в кармане его позвякивали только что выигранные сорок дублонов.

Зато полковник Вискаarra никак не мог примириться с таким значительным проигрышем. Его угрюмое лицо невольно обращало на себя внимание. Он был мрачнее тучи. Обитатели долины с тревогой посматривали на него. Он молча расхаживал взад и вперед по лугу, изредка приближаясь к телегам и окидывая злобным взором группу людей, собравшихся вокруг Карлоса. Взгляды, которые он бросал на Розиту, были в достаточной степени красноречивы. Сознание почти безграничной власти делало полковника крайне несдержанным. Он не считал нужным скрывать свои чувства и восторгался молодой американкой так беззастенчиво, что многие из окружающих замечали это. Встречая его пылкие взгляды, девушка застенчиво опускала глаза.

Хуан, от внимания которого не укрылись маневры коменданта, следил за ним с негодованием и тревогой. У него были причины беспокоиться. Он знал характер Вискаarry и отдавал себе ясный отчет в том, как опасен человек, пользующийся почти неограниченной властью. О, свобода! Как много счастья приносит она людям! В странах, лишенных ее, постоянно гибнут надежды, калечатся чувства, разбиваются сердца. Страшно подумать, что приспешники тирании распоряжаются жизнями тысяч людей и по прихоти меняют естественное течение их привязанностей.

На различные игры и состязания, происходившие на лугу, публика смотрела без особенного интереса. Блестящее выступление молодого сиболеро произвело на жителей Сан-Ильдефонсо потрясающее впечатление. В сравнении с его подвигом все казалось пустяком. К тому же местные аристократы были в скверном расположении духа. Вискарра все время морщил лоб. Робладо томился ревностью. Алькад и его помощник, поставившие довольно большие суммы на красного петуха, жалели о проигранных деньгах. Отцы иезуиты, которым не повезло в монте, забыли о христианских чувствах и откровенно злились. Один только городской священник был по-прежнему весел. Он горел желанием вторично пожать лавры своего петуха.

Наконец герольд возвестил начало последнего состязания. Оно состояло в так называемой гонке за петухом. В предвкушении волнующего зрелища публика перестала играть в монте и перенесла все свое внимание на участников гонки.

«Гонка за петухом» – самая характерная из всех новомексиканских игр. Понять ее нетрудно. Петуха подвешивают за ноги к горизонтальной ветке на такой высоте, чтобы человек, сидящий верхом на лошади, мог схватить его за голову или за горло. Птица привязывается к ветке не слишком крепко. Обычно ее отвязывают или, вернее, отрывают одним быстрым движением. Стремясь по возможности затруднить свою задачу, участники состязания часто намыливают голову и тело злополучной жертвы. Всадник должен проскакать мимо намеченного дерева и схватить петуха на полном скаку. Победителем считается тот, кому удастся завладеть птицей и защитить ее от всех остальных участников состязания, пытающихся отбить у счастливого добычу. Обыкновенно всадники скачут по кругу к какому-нибудь заранее установленному пункту. Большей частью победитель подвергается нападению своих соперников и оказывается вынужденным отдать им петуха. Иногда несчастную птицу раздирают на мелкие части. Бывают случаи, что всадник, первоначально завладевший ею, снова отбивает ее. Если она жива и невредима – победа остается за ним. Согласно обычаю, победитель кладет петуха к ногам своей избранницы. Во время бала эта девушка – по большей части хорошенькая поблана – держит пернатый трофей возлюбленного подмышкой. Выставляя его напоказ, она как бы дает понять, что дорожит оказанной ей честью и что ее поклонник принадлежит к числу наиболее ловких местных наездников.

Гонка за петухом – забава очень жестокая: ведь несчастная птица, на которой упражняют свою ловкость десятка полтора людей, подвергается настоящей пытке. По правилам она непременно должна быть живою. А мексиканцы вообще не страдают избытком сентиментальности. Зато мексиканки чрезвычайно жалостливы. В этом отношении они представляют собою полную противоположность мужчинам. Им приходится утешаться мыслью, что гонка за петухом является исконным обычаем их родной страны. Впрочем, подобные забавы существуют почти всюду.

В гонке за петухом употребляется два приема. Первый только что описан нами. Второй отличается от него лишь тем, что птицу не подвешивают к дереву, а зарывают по горло в землю. Всадники должны в соответствующий момент наклониться с седла и схватить ее; остальное происходит совершенно одинаково.

Первого петуха повесили на ветку высокого дерева. Зрители поспешили занять свои места. Началось состязание.

Многие пожелали участвовать в нем. Но первых кандидатов постигла неудача. Некоторым из них удалось схватить петуха за голову. Однако мыло, которым он был смазан, помешало им удержать его.

В числе прочих участников гонки за петухом был и сержант Гомец. Решился ли комендант еще раз держать за него пари – осталось невыясненным. В этот день Вискарра проиграл довольно значительную сумму денег. Если бы не надежды на кое-какие «безгрешные доходы» с рудников, проигрыш был бы для него еще чувствительнее. Впрочем, он занимал слишком высокий пост, чтобы придавать значение таким мелочам. Да и с какой стати было ему беспо-

коиться? Ведь он распоряжался не одними только рудниками. Казна вице-королевства в любую минуту могла возместить ему и не такой проигрыш.

Сержант Гомец обладал всеми данными, необходимыми для гонки за петухом. Высокий рост сослужил ему на этот раз хорошую службу. Он без всякого труда завладел птицей. К тому же впоследствии выяснилось, что в кулаке его была зажата горсть песка, благодаря которому намыленная голова петуха не выскользнула у него из рук.

Крепко держа свою добычу, он во весь опор поскакал вперед.

Но у некоторых из присутствующих были превосходные лошади. Прежде чем он успел проехать половину намеченного расстояния, поравнявшийся с ним вакерро нагнал его и оторвал от петуха левое крыло. Несколько мгновений спустя другой противник оторвал другое крыло. К тому времени как злополучный сержант поравнялся с трибуной, в руке его остался только жалкий окровавленный комок. Разумеется, публика встретила неудачника гробовым молчанием. А он так мечтал о рукоплесканиях и приветственных криках!

Сибалеро Карлос не принимал участия в этом состязании. Он отлично сознавал, что никто не может превзойти его, что ему удалось покрыть славой свое имя, что он и так уже нажил много врагов. У него не было никакого желания увеличивать их число. Но окружающие стали настойчиво убеждать его попытаться счастья. Всем хотелось еще раз полюбоваться несравненной ловкостью молодого наездника. Он долго упорствовал. Второго петуха постигла та же участь, что и первого. Третий остался в живых. Вакерро, оторвавший у жертвы сержанта Гомеца крыло, сложил свой трофей у ног миловидной, смущенно улыбающейся побланы.

Ход мыслей Карлоса, зорко следившего за этой сценой, внезапно принял новое течение. Он подъехал к трибуне с явным намерением участвовать в состязании.

– Теперь мне долго не придется бывать на здешних праздниках, – сказал он Хуану. – Послезавтра я уезжаю в прерию. Надо использовать все до конца. Я хочу повеселиться всласть.

На этот раз игра была несколько видоизменена. Птицу не подвесили к дереву, а закопали в землю. По ее длинной шее и остроконечному клюву легко было угадать, что это не петух, а цапля. Надо заметить, что этот вид белоснежных цапель, очень распространенный в Мексике, принадлежит к числу самых красивых. Тонкая изящная шея закопанной в землю птицы не была намылена. В этом не чувствовалось ни малейшей необходимости. Дело в том, что цапля отличается большой робостью и при приближении человеческой руки откидывает голову то в одну сторону, то в другую. Схватить ее на полном скаку гораздо труднее, чем петуха.

По данному знаку выстроившиеся в ряд всадники быстро поскакали вперед. Карлос ехал одним из последних. Однако, приблизившись к тому месту, где была зарыта птица, он увидел, что белая длинная шея по-прежнему торчит над землей. Рука его быстро опустилась вниз. Молниеносным движением он схватил цаплю, вытащил ее из рыхлого песка и помчался дальше. Белоснежные крылья судорожно затрепетали между поводьями.

Чтобы благополучно избежать нападения десятка всадников, спешивших ему наперерез, Карлос принужден был вонзить шпоры в бока своего мустанга и призвать на помощь всю свою ловкость. Он то внезапно останавливал коня, то пускал его вскачь, то кружил вокруг надоедливый противника, то поворачивал назад. Зрители с восхищением следили за его маневрами. Остальные всадники стали мало-помалу отставать. Чувя свое торжество, черный мустанг стрелой понесся к трибуне. Высоко подняв над головой белую цаплю, Карлос молча раскланялся перед рукоплескавшей ему толпой.

Зрители высказали множество предположений относительно того, кому вручит сибалеро свой живой трофей. Женщины весело перешептывались между собой. Они были уверены, что молодой охотник подойдет к какой-нибудь девушке, равной ему по общественному положению, – к хорошенькой поблане или дочери одного из фермеров. Карлос как будто нарочно дразнил всеобщее любопытство. Несколько минут спустя толпа с изумлением увидела, что он

выпустил из рук птицу. Глаза его задумчиво следили за ее полетом. Она величественно взвилась кверху и, вытянув свою длинную шею, направилась к противоположному концу долины.

Наиболее наблюдательные из присутствующих заметили, что перед тем, как выпустить цаплю на свободу, Карлос выдернул из ее крыльев несколько длинных пушистых перьев и завязал их в пучок.

Когда цапля исчезла вдалеке, постепенно превращаясь в маленькое белое пятнышко, он пришпорил коня, подскочил вплотную к трибуне и, грациозно поклонившись, протянул пучок белых перьев Каталине де Крусес.

Шепот удивления, пронесшийся по толпе, быстро сменился возгласами негодования. Как? Сиболеро, простой охотник, нищий, бродяга без роду и племени, никому не известный юноша, смеет мечтать об улыбке дочери богача? Может быть, он думал оказать ей честь? Нет, он ошибается. Это оскорбление! Это неслыханная дерзость!

Таково было мнение сеньор и сеньорит, восседавших на трибунах. Впрочем, в данном случае это мнение вполне разделялось фермершами и побланами. Они чувствовали себя смертельно обиженными. Как смел молодой охотник пренебречь ими? Почему он не влюбился в одну из них? И далась ему эта Каталина!

Прекрасно сознавая, что все ей завидуют, Каталина не знала, куда деваться от радости и смущения. На губах ее появилась улыбка. Густой румянец залил ее щеки.

– Благодарю вас, кабальеро! – нежно шепнула она, не решаясь взять в руки протянутый ей трофей.

Трудно было ожидать решимости от девушки, по правую руку которой стоял разгневанный отец, а по левую – ревнивый жених. Робладо весь дрожал от ярости.

– Дерзкий! – крикнул он, выхватив из рук Карлоса перья и швырнув их на землю. – Дерзкий!

Сиболеро наклонился с седла, поднял пучок перьев и заткнул его за золотистую ленту своего сомбреро. Движения его были медленны и размеренны.

– Держите себя в руках, капитан Робладо! – сказал он, вызываясь глядя на офицера. – Ревнивому поклоннику редко удастся превратиться в счастливого мужа.

Он перевел взгляд на Каталину и улыбнулся ей.

– Благодарю вас, сеньорита! – произнес он совсем другим тоном.

Робладо вынул из ножен свою саблю и выругался. В тот же миг сиболеро услышал гневный возглас дона Амброзио. Однако хвастун-капитан отнюдь не отличался храбростью. При виде длинного мачете, блеснувшего в правой руке Карлоса, он отвернулся и, продолжая громко ругаться, предоставил своему врагу возможность спокойно удалиться.

Вызвав немало всевозможных толков, этот инцидент взволновал жителей Сан-Ильдефонсо. В среде мелких арендаторов о поведении молодого охотника говорили не иначе как с негодованием. Фермеры и золотоискатели завидовали ему. Таким образом, несмотря на всю выказанную им отвагу, он нажил себе гораздо больше врагов, чем друзей. Все с возмущением повторяли слова, произнесенные его полубезумной матерью. Испанские патриоты готовы были растерзать на части смелого американца. Стоило ли приезжать на праздник к этим людям? Их восторг длился одно мгновение, а зависть и злоба крепко укоренились в их сердцах. Американец – как бы благороден, отважен и ловок он ни был – не мог завоевать их расположения. Он оставался чужестранцем и «еретиком». В этом заброшенном уголке земли фанатизм цвел таким же махровым цветом, как в самом Риме эпохи инквизиции<sup>32</sup>.

---

<sup>32</sup> *Инквизиция* – учреждение римско-католической церкви, имевшее целью разыскивать и наказывать еретиков, основанное в первой половине XIII века. Особенно сильное развитие инквизиция получила в Испании, где служила не только религиозным, но и политическим целям. Людей, заподозренных в ереси, сжигали, пытали, лишали прав, ссылали на галеры. При великом генерал-инквизиторе Торквемаде с 1483 года по 1498 год было сожжено не менее девяти тысяч человек. Уничтожена инквизиция лишь в 1834 году.

К счастью для Карлоса, состязания уже кончились.

Несколько минут спустя после его отъезда публика начала расходиться. Фермеры принялись запрягать своих мулов, волов и ослов. Фермерши и их дети поспешно расселись на просторные телеги. Защелкали бичи, заскрипели оси, раздались громкие: «Ну-ну, пошел!», визгливо задребезжали расшатанные колеса – словом, поднялся концерт, к которому могло остаться равнодушным только привычное мексиканское ухо.

Через полчаса на углу не было ни души. Людей сменили тощие, голодные койоты<sup>33</sup>, вечно рыскающие по лесам и полям в поисках добычи.

---

<sup>33</sup> *Койот (луговой волк)* – животное из семейства собак, отряда хищных, занимающее среднее место между лисицей и волком. Коренастое туловище его, достигающее полутора метров длины, покрыто густым грязно-желтоватым мехом. Луговые волки очень распространены в Северной Америке. По образу жизни они похожи на обыкновенных волков и также охотятся стаями за крупными животными.

## ГЛАВА IX

Состязания кончились, но праздник святого Хуана продолжался. Перед тем как разойтись по домам, толпа спешила насладиться всеми предложенными ей развлечениями. Обитатели Сан-Ильдефонсо вторично прогулялись в церковь. Там, как и утром, бойко торговали отпущениями грехов, четками и реликвиями. Желających окропляли святой водой. Разумеется, все это делалось лишь для того, чтобы представители духовенства могли заново наполнить свои карманы, опустевшие во время игры в монте. Под конец была вторично устроена религиозная процессия. Статую чествуемого святого Хуана, то есть Иоанна, поставили на особый щит и стали носить по городу. Продолжалось это до тех пор, пока пять или шесть молодых людей, исполнявших роли носильщиков, не запросили пощады.

Святой производил довольно странное впечатление. Большая статуя его, отлитая частью из воска, частью из гипса, была задрапирована выцветшим от времени шелком, почти сплошь покрытым перьями и мишурой. Католический святой явно стремился угодить местным вкусам. Надо сказать, впрочем, что все мексиканские божества скорее заслуживают название индейских, чем римских.

Святой Хуан казался чрезвычайно утомленным. Голова его, соединявшаяся с шеей посредством давно уже испорченной пружины, болталась взад и вперед. Можно было подумать, что святой старательно кланяется стоящим вдоль улицы зевакам. Его кивки, которые показались бы во всяком другом месте невероятно комическими, производили большое впечатление на обитателей страны, подпавшей под влияние священников. Не преминув извлечь выгоду из испорченной пружины, отцы иезуиты внушили благочестивым жителям Сан-Ильдефонсо, что кивки головой являются наглядным доказательством доброго расположения к ним святого. Раскланявшись перед толпой, он будто бы тем самым выражал ей свое одобрение. Чудо повторялось на глазах у всех каждый раз, как статую носили по городу. В том, что это было действительно чудо, дружно клялись и отцы иезуиты, и городской священник. Кто осмелился бы противоречить им? Утверждать, что они говорят неправду, значило подвергать себя большой опасности. Населению Мексики запрещалось вступать в пререкания с церковью. Оно привыкло слепо доверять своим пастырям. Чудо так чудо!

Обыватели, как им и полагалось, горели религиозным энтузиазмом. Когда святой Хуан, вернувшись с прогулки, снова занял свое место в церковной нише, в маленький ларец, красовавшийся у его ног, посыпались серебряные и медные монеты, которые, не будь его, наверное, фигурировали бы в этот вечер на столиках для игры в монте.

Кивающие головой святые и «подмигивающие» мадонны – давнишнее изобретение римско-католической церкви. Отцы иезуиты, подвизавшиеся в Мексике, не упускали случая козырнуть тем или иным чудом. Во всей стране не существовало такого заброшенного уголка, где бы отсутствовали изображения святых, совершавших чудеса не менее потрясающие, чем их знаменитые европейские собратья.

После религиозной процессии наступила очередь фейерверка. К этому «искусству» мексиканцы проявляют удивительные способности. Как это ни странно, любовь к фейерверкам очень характерна для представителей страны, находящейся в периоде упадка.

Дайте мне статистическую таблицу шуток, колес, ракет, фонтанов, сожженных за год в данной стране, и я скажу вам, каков средний уровень физического и умственного развития ее жителей. Чем больше цифры, тем этот уровень ниже. Соотношение тут обратно пропорционально.

Стоя на площади Согласия, я наблюдал, как сотни мексиканцев, богатых и бедных, молодых и старых, упивались жалким зрелищем, имевшим целью их одурманить. Восхищаясь фейерверком, они забывали о потере свободы. Так детей утешают несколькими конфетами

за отнятую у них драгоценность. Жители Сан-Ильдефонсо глядели на взвивавшиеся к небу ракеты с удовольствием, граничившим с энтузиазмом. Я смотрел на их некрасивые, сутуловатые фигуры и думал, что они на целый фут ниже, чем были их предки.

После фейерверка начался бал. На нем мы встретили всех своих старых знакомых, бывших утром на лугу. Даже костюмы почти не изменились. Только сеньоры и сеньориты надели нарядные вечерние туалеты, да две-три хорошенькие побланы заменили грубые шерстяные юбки пестрыми муслиновыми.

Бал происходил в большом зале ратуши, занимавшей одну из сторон площади Согласия. Вход был свободный. Несмотря на глубокую классовую рознь и на деспотизм правительственных чиновников, жители пограничных мексиканских городов упорно держатся за демократическое равенство во всем, что касается их развлечений. На гуляньях и балах все слои населения пользуются совершенно одинаковыми правами. Эта своеобразная черта не раз вызывала недоумение английских и американских путешественников.

В большой танцевальной зале собрались все те, кому хотелось повеселиться и кто был в состоянии заплатить за вход.

Бок о бок с богачами в полуюропейских костюмах из тонкого сукна стояли простые ранчеро в кожаных куртках и бархатных штанах. Дочери зажиточных торговцев мало чем отличались от поселянок, проводивших целый день за печением маисовых лепешек и пряжей «ребозо».

Комендант и Робладо явились на бал в полной парадной форме. Алькад по-прежнему обращал на себя внимание вызолоченным жезлом, украшенным шелковыми кисточками. Между танцующими расхаживали отцы иезуиты в своих длиннополых балахонах и городской священник в черном котелке. Местные аристократы тоже принимали участие в общем веселье.

На бал пришли и крупный коммерсант дон Хозе-Ринкон в сопровождении толстухи жены и четырех дородных, сонливых дочерей, и жена алькада с детьми, и красавицы Эшеварри с братом, одетым по последней парижской моде и вызывавшим всеобщее восхищение своим фракком и цилиндром. Явился и богатый фермер, сеньор Гомец дель-Монте, с сухопарой женой и худенькими дочерьми, отнюдь не похожими на тех тучных овец, громадные стада которых паслись на зеленых лугах их гациенды<sup>34</sup>. Пришла и самая красивая девушка Сан-Ильдефонсо, прелестная Каталина де Крусес, дочь золотоискателя, дона Амброзио. Отец стоял рядом с нею и зорко следил за каждым ее движением.

Но на балу присутствовали далеко не одни только местные аристократы. Участие в танцах принимали и служащие на приисках, молодые фермеры из долины, мелкие золотоискатели, пастухи, охотники и рабочие, закутанные в дешевые серапе. Публика, собравшаяся в этот день в большом зале ратуши, была на редкость разношерстна.

Оркестр состоял из скрипки, арфы и флейты. Танцевали главным образом вальс, болеро и коону<sup>35</sup>. Надо заметить, что таких прекрасных танцоров, как мексиканцы, не встретишь даже на самых шикарных балах Парижа. Какой-нибудь пеон<sup>36</sup> в кожаной куртке и бархатных штанах может смело сравниться в грациозности движений с любым балетмейстером, а побланы в кружевных юбках и цветных туфельках скользят по паркету не менее легко, чем настоящие балерины.

Робладо усиленно ухаживал за Каталиной де Крусес и приглашал ее почти на каждый танец. Но взгляд очаровательной девушки равнодушно скользил по его золотым эполетам

---

<sup>34</sup> *Гациенда* – обширный надел земли, достигающий иногда размеров целого округа. Разработке подвергаются обыкновенно только небольшие участки. Большая часть гациенд занята пастбищами.

<sup>35</sup> *Болеро* – национальный испанский танец медленного темпа. *Коона* – национальный мексиканский танец.

<sup>36</sup> *Пеоны* – местные рабочие, обрабатывавшие чужую землю и если не по закону, то по положению своему приравнивавшиеся к рабам.

и, казалось, искал кого-то. Она рассеянно слушала назойливого кавалера и думала о своем. Общество капитана явно утомляло ее.

Комендант Вискаarra не находил себе места. Глядя на него, можно было подумать, что он тоже ждет или ищет кого-то. Он все время шагал из одного конца зала в другой и внимательно всматривался в каждую группу людей, попадавших ему на дороге.

По всей вероятности, предметом его мечтаний была белокурая сестра юного сиболеро. Но он напрасно искал ее.

Розиты не было и не могло быть в зале. Сразу же после фейерверка она вместе с матерью уехала в Сан-Ильдефонсо. Им пришлось проделать целое путешествие. Карлос и Хуан проводили мать и дочь до самого их ранчо, находившегося в дальнем конце долины. Однако молодые люди вернулись обратно. Им хотелось попасть на бал. Танцы уже были в полном разгаре, когда они остановили своих коней у здания ратуши. Теперь читателю, наверное, ясно, кого поджидала Каталина де Крусес. Судьба, более благосклонная к ней, чем к Вискаarre, не обманула ее надежд.

С того момента как Карлос вошел в зал, выражение лица Каталины резко изменилось. В глазах ее появился взволнованный блеск. Она принуждена была таить свои чувства, потому что строгий отец и ревнивый поклонник зорко следили за ней. Но это все же не мешало ей бросать украдкой взгляды на сиболеро.

Карлос старался сохранять равнодушный вид. Сердце его учащенно билось. Почему он не может танцевать с ней? Он великолепно понимал, что всякая попытка заговорить с любимой девушкой неизбежно кончилась бы скандалом. А идти на скандал он не смел.

Вскоре ему начало казаться, что Каталина больше не смотрит на него и внимательно прислушивается к речам Робладо, шеголя Эшеварри и других. Со стороны молодой девушки все это было, разумеется, только притворством. Маска, которую она добровольно надевала на себя, предназначалась для всех кроме Карлоса. Но он не понял этого и обиделся.

Тревога овладела им. Чтобы побороть ее, он принялся танцевать. Его дамой была красивая поблана Инеса Гонзалес. Она пришла в восторг, когда он пригласил ее. Глядя, как они кружатся по залу, Каталина, в свою очередь, почувствовала ревность.

Влюбленные довольно долго мучили друг друга. Наконец Карлосу стало невмоготу. Извинившись перед Инесой, он сел на скамейку. В эту минуту Каталина находилась неподалеку от него. Он посмотрел на нее, встретил ее взгляд и увидел, что глаза ее горят любовью. Они уже обменялись признаниями и клятвами. Почему же такое недоверие? Чем вызваны эти напрасные муки?

Прочитав мысли друг друга, влюбленные успокоились. Публика все больше и больше увлекалась танцами. Подвыпивший дон Амброзио перестал следить за каждым движением дочери. Благодаря этому она могла беспрепятственно смотреть на Карлоса. Он тоже не спускал с нее глаз.

Кружась по залу, танцующие пары вплотную приближались к той скамейке, на которой сидел молодой охотник. Очередной вальс Каталина танцевала с красавцем Эшеварри. Поворачиваясь лицом к Карлосу, она каждый раз пристально смотрела на него. Их взгляды встречались. Глаза молодых испанок отличаются необычайной выразительностью. Карлосу казалось, что он читает какую-то прекрасную поэму. Радость горячей волной прилиwała к его сердцу. Когда Каталина в третий раз приблизилась к нему, он заметил что-то темное в белых пальчиках, лежащих на плече ее кавалера. То была небольшая зеленая ветка. Поравнявшись со своим возлюбленным, молодая девушка ловким движением уронила ветку к нему на колени и еле слышно прошептала:

– Туйя!<sup>37</sup>

---

<sup>37</sup> Туйя (жизненное дерево) – род хвойных и вечнозеленых растений семейства кипарисовых, отличающихся густыми,

Кроме них двоих, никто не слышал этого словечка.

Карлос осторожно поднял маленькую ветку туйи. Значение ее было ему совершенно ясно. Он сначала поднес ее к губам, а потом воткнул в петлицу своей расшитой галунами куртки.

Когда Каталина в следующий раз очутилась подле него, взгляды, которыми они обменивались, были полны горячей, доверчивой и счастливой любви.

Вечер уступил место ночи. Почувствовав себя совершенно разбитым, полусонный дон Амброзио предложил своей дочери ехать домой. Капитан Робладо отправился провожать их.

Вскоре после этого разошлись и все остальные именитые горожане. Но некоторые неутомимые поклонники Терпсихоры<sup>38</sup> продолжали танцевать до тех пор, пока розовая Аврора<sup>39</sup> не заглянула в решетчатые ставни городской ратуши.

---

сплюснутыми ветвями, покрытыми мелкими чешуйчатыми листьями.

<sup>38</sup> *Терпсихора* – муза танцев в древнегреческой мифологии.

<sup>39</sup> *Аврора* – утренняя заря; богиня света у древних римлян.

## ГЛАВА X

Льяно-Эстакадо, или Столбовая равнина, принадлежит к числу наиболее странных местностей Великой американской прерии. Это плоскогорье, или, вернее, горная равнина, возвышается над окружающей ее низменностью на тысячу футов, а по форме напоминает баранью ногу, вытянутую с севера на юг.

В длину Льяно-Эстакадо простирается на четыреста, а в ширину – на двести – триста миль. Таким образом, площадь его приблизительно равняется по величине Ирландии. Поверхность горной равнины значительно отличается от окружающей ее со всех сторон прерии и сама по себе чрезвычайно любопытна. Северная часть, занимающая около пятидесяти миль, пустынна, безлюдна и почти абсолютно лишена растительности, лишь кое-где на ней растут низкие, приземистые мецкиты (особого рода акации) двух различных видов. Во многих местах сухая каменистая почва дает трещины глубиной до тысячи футов. Отвесные скалы, вздымающиеся по обеим сторонам их, образуют непроходимые пропасти. На дне этих расселин валяются бесформенные груды камней, среди которых то здесь, то там темнеют большие лужи воды. На скалах растут искривленные, хилые кедры.

В эти трещины, или, как называют их местные жители, «каньоны», можно попасть только через естественные проходы, часто отстоящие на много миль один от другого.

Большая часть горной равнины уныла и безрадостна. Целые сотни миль заняты участками земли, по твердости напоминающей шоссейную дорогу. Местами только произрастают акации и травы – главным образом «грама» и «буйволова трава». Изредка попадаются небольшие глубокие, мрачные озера самой разнообразной величины. Унылые берега их сплошь покрыты осокой. Вода большей частью содержит много железа, серы или соли. После сильных дождей количество их заметно увеличивается, и она становится более пресной. Но дожди в этой бесплодной и печальной местности выпадают крайне редко и представляют собой не правило, а исключение. Зато засухи, во время которых многие озера высыхают совершенно, продолжаются бесконечно долго.

Поверхность южной части Льяно-Эстакадо в высшей степени своеобразна. На расстоянии двадцати миль в ширину и пятидесяти в длину тянутся по направлению с севера на юг небольшие холмы из чистейшего белого песка. Напоминая по форме конусы, они достигают ста футов вышины. Ни одно деревце, ни один кустик не нарушают гармоничности их закругленных очертаний и однообразия их окраски. Но по странной аномалии, необъяснимой даже для геологов, между этих песчаных холмов и на вершинах их попадаются болотистые озера, не высыхающие даже в самое жаркое время года. В них растет множество камыша, шильника<sup>40</sup> и кувшинок. Присутствие воды среди зыбучих песков совершенно непонятно и ставит в тупик путешественников.

Подобные песчаные формации представляют собою обычное явление как на берегах Мексиканского залива, так и в некоторых прибрежных местностях Европы. В существовании их близ моря нет ничего загадочного. Но здесь, в самом центре западного материка, они производят в высшей степени странное впечатление.

Путешествовать по этим белым холмам почти невозможно. Лошади на каждом шагу по колено увязают в песке, а переправы через болотистые озера считаются очень опасными.

Где находится Льяно-Эстакадо? Если вам захотелось узнать это, разверните карту Северной Америки. Там вы найдете большую реку, носящую название Канадской. Беря начало в Ска-

---

<sup>40</sup> Шильник (*стрелололист*) – многоцветное водяное растение семейства частуховых, отличающееся трехлепестковыми цветками; клубни съедобны.

листных горах<sup>41</sup>, она течет сперва на юг, потом на восток и, наконец, вливается в Арканзас<sup>42</sup>. В том месте, где река эта меняет направление, к ней почти вплотную приближается Льяно-Эстакадо, утесы которого то нависают над водой, то отступают назад, становясь похожими на горную цепь и нередко вводя этим в заблуждение путешественников.

Западная граница Столбовой равнины очень проста. Недалеко от истоков Канадской реки берет начало другая река – Пекос. Судя по географическим картам, он течет прямо на юг. Но это неверно. На продолжении нескольких сот миль Пекос упорно стремится на восток и сворачивает на юг лишь незадолго до впадения в Рио-Гранде. Вот эта-то река и омывает западные склоны Льяно-Эстакадо. Преграждая ей путь, плоскогорье заставляет ее изменить первоначально взятое направление. Не будь его, Пекос, как и все остальные реки, берущие начало в Скалистых горах, продолжал бы течь на восток.

Восточная граница Льяно-Эстакадо менее определена. Вы получите о ней представление, если проведете воображаемую линию в триста миль, начинающуюся у Пекоса и пересекающую течение рек Вихиты, Красной Луизианы, Бразоса и Колорадо<sup>43</sup>. Все эти реки, с их многочисленными притоками, берут начало на восточных склонах Столбовой равнины и прокладывают между скал самые фантастические русла.

На юге Льяно-Эстакадо заканчивается мысом, вдающимся в прерию и в поросшие мексиком долины бесчисленных горных потоков, питающих нижнее течение Рио-Гранде.

Горная равнина, о которой идет речь, не имеет постоянных жителей. Даже индейцы не задерживаются на ней дольше, чем это необходимо. В некоторые уголки ее их не заманишь ничем. Между тем они не отличаются трусостью и привыкли безропотно переносить голод и жажду. Путешествие через это плоскогорье, длина которого достигает четырехсот миль, опасно и трудно.

Более или менее надежными считаются только две дороги.

Главное неудобство такого рода путешествий заключается в недостатке воды.

В былые времена одна из этих двух дорог носила название «Испанской тропы». Она вела от Санта-Фэ до Сан-Антонио-де-Бексар<sup>44</sup>. Чтобы путешественники не сбились с пути, в определенных пунктах ее были поставлены столбы. Отсюда название «Столбовой равнины».

В наши дни по Льяно-Эстакадо путешествовать не принято.

Негостеприимное плоскогорье посещают только сиболеро и торговцы. Одних гонит на Столбовую равнину желание поохотиться за бизонами, других – надежда заключить какую-нибудь выгодную сделку с индейскими племенами, пробирающимися через плоскогорье на восток. Ни охота, ни торговля эта не имеют сколько-нибудь серьезного значения.

Сиболеро и бродячие торговцы мексиканских окраин во многом похожи на охотников и жителей девственных лесов Северо-Американских Соединенных Штатов. Вместе с тем они сильно отличаются от них вооружением, одеждой и привычками.

Сиболеро неразлучны со своими лошадьми. Вооружение их состоит из лука и стрел, охотничьего ножа и длинного копья. Как правило, они не употребляют огнестрельного оружия и даже относятся к нему с некоторым презрением. Зато без лассо они никогда не выезжают на охоту.

Отправляясь на плоскогорье с торговыми целями, местные жители берут с собой очень ограниченный запас товара. Обыкновенно стоимость его не превышает двадцати долларов.

---

<sup>41</sup> *Скалистые горы* – горная система западной части Северной Америки; тянется вдоль Тихого океана от Аляски до Мексики.

<sup>42</sup> *Арканзас* – правый приток Миссисипи, протекающий через штаты Колорадо, Канзас, Оклахома и Арканзас.

<sup>43</sup> *Вихита, Красная Луизиана, Бразос и Колорадо* – реки, орошающие Мексику. Некоторые из них очень длинны (Колорадо достигает тысяча четырехсот километров), но все неудобны для судоходства и летом чрезвычайно мелководны.

<sup>44</sup> *Санта-Фэ* – главный город Новой Мексики. *Сан-Антонио-де-Бексар* – город североамериканского штата Техас.

Несколько мешков сухого хлеба, мешок-другой маиса, безделушки, которыми любят украшать себя дикари, грубые серапе, отрезки яркой шерстяной ткани домашнего изделия – вот и все.

Металлическими изделиями, которые чрезвычайно дороги в Мексике из-за высоких ввозных пошлин, они почти не торгуют. Брать с собой огнестрельное оружие им не имеет смысла: индейцы, испытывающие в нем потребность, получают его с востока. Большое количество ружей и карабинов попало в руки команчей<sup>45</sup> во время их набегов на южномексиканские города.

Из своих долгих и опасных странствий сиболеро возвращаются нагруженными тушами и шкурами бизонов, частью добытых собственноручно, частью полученных от индейцев в обмен на товары.

Индейцы охотно продают им также лошадей, мулов и ослов, большие стада которых пасутся в прериях. Некоторые из этих стад насчитывают по несколько сот голов. Многие животные носят клеймо своих бывших мексиканских владельцев. Угнав табун лошадей из гациенды, расположенной по нижнему течению Рио-Гранде, индейцы спешат продать его жителям какого-нибудь городка, лежащего у истока той же реки. Подобные приемы считаются вполне законными, и правительство смотрит на них сквозь пальцы.

Охотники путешествуют по прерии небольшими группами. Бывают, впрочем, случаи, что они соединяются в отряды из нескольких десятков человек и даже берут с собой свои семьи. Но обычно вся экспедиция состоит из одного или двух сиболеро и такого же количества слуг. Индейцы беспокоят их меньше, чем других путешественников. Отлично зная, с какими целями отправляются в прерии эти смельчаки, команчи и другие племена относятся к ним скорее дружелюбно. Но все же это не мешает иногда краснокожим нападать на одиноких путников.

Торговцы перевозят свои товары или на мулах, или в повозках, запряженных волами. Эти повозки могут служить великолепной иллюстрацией первобытного способа передвижения. Колеса из бавольника, соединенные крепкой деревянной осью, по форме скорее приближаются к эллипсу или четырехугольнику, чем к кругу. На оси стоит глубокий квадратный ящик. Волы впрягаются посредством деревянной поперечины, привязанной к их рогам обыкновенными ремнями. Об упряжи и ярме мексиканцы не имеют понятия.

---

<sup>45</sup> *Команчи* – некогда могущественное индейское племя, сохранившееся в небольшом количестве в Техасе.



Шум, поднимаемый этими повозками, не поддается описанию. Его можно сравнить разве только с воплями многочисленного семейства, переживающего минуту смертельной опасности, или с ревом нескольких десятков обезьян.

## ГЛАВА XI

Спустя неделю после праздника святого Хуана небольшой отряд охотников переходил вброд Пекос около Боске-Редондо. Он состоял из пяти человек: одного белого, одного метиса и трех чистокровных индейцев. Товары везли несколько мулов и шесть пар волов, запряженных в повозки. По всему облику индейцев, а также по их грубым «тильмам» и сандалиям легко было догадаться, что они принадлежат к одному из мирных племен. И действительно, это были пеоны вождя маленького отряда – сиболеро Карлоса.

Метис<sup>46</sup>, по имени Антонио, исполнял обязанности погонщика мулов, а три индейца с помощью длинных заостренных палок великолепно справлялись с волами. Закутанный в длинное серапэ, Карлос ехал во главе маленького отряда на своем прекрасном вороном мустанге. Роскошную мангу он оставил дома отчасти для того, чтобы не истрепать ее во время долгой экспедиции, отчасти из боязни возбудить алчность кочующих индейцев, которые не задумались бы убить человека ради такого ценного плаща. Подобные же соображения заставили его заменить вышитую куртку, пунцовый шарф и бархатные штаны другой, более скромной одеждой.

Карлос был очень взволнован. Ни разу еще не приходилось ему отправляться в прерию с таким количеством разнообразных товаров. Караван его состоял из трех повозок, запряженных двенадцатью волами, и пяти выючных мулов. Он вез с собою хлеб, маис, испанские бобы, чилийский перец, шерстяные одеяла, одежду, бусы, стеклярус и несколько испанских ножей с острыми треугольными лезвиями. Только благодаря необыкновенной удаче на празднике в Сан-Ильдефонсо получил он возможность закупить так много товара. Кроме того дублона, который у него был, и двух выигранных Хуан упросил его взять в долг еще пять дублонов на снаряжение экспедиции.

Благополучно переправившись через Пекос, маленький отряд стал подниматься на Столбовую равнину по дороге, начинавшейся недалеко от Боске-Редондо. Пологий склон быстро привел путников на плоскогорье. Перед ними открылось ровное необозримое пространство, на котором не виднелось ни одного деревца, ни одного кустика, – ничего что могло бы помочь им ориентироваться.

Путешествуя по Льяно-Эстакадо, сиболеро Карлос не нуждался в проводнике. Не было человека, который бы знал плоскогорье лучше, чем он. Повинуясь его приказанию, маленький караван двинулся на юго-восток. Карлос направлялся к берегам Красной реки Луизианы, где, как он слышал, бродили многочисленные стада бизонов. Эта местность была ему совершенно не знакома. Прежде он охотился преимущественно в верховьях техасских рек – Бразоса и Колорадо. Но долины этих рек перешли мало-помалу в нераздельную собственность могущественного племени команчей. Посвящая почти все свое время охоте, индейцы не только истребили большое количество бизонов, но и приучили их бояться человека. На берегах Красной реки дело обстояло совсем иначе. Там велась непрерывная война. Вакои, чероки и другие восточные племена постоянно оспаривали друг у друга право охоты. На этой почве у них часто происходили кровавые столкновения. В общем, они были так заняты взаимными распрями, что большую часть года оставляли бизонов в покое. Давно уже установлено, что в местностях, состоящих на «военном положении», животных больше и они менее пугливы, чем где бы то ни было.

Зная все это, сиболеро Карлос и решил предпринять экспедицию на берега Красной реки, берущей начало на восточных склонах Льяно-Эстакадо, а не в Скалистых горах, как это обозначено на географических картах.

---

<sup>46</sup> *Метис* – человек смешанной крови.

Карлос давно уже охотился за бизонами. Его помощник, метис Антонио, и двое из индейцев тоже были охотниками. Их вооружение состояло из луков и копий, гораздо более пригодных для данного рода охоты, чем огнестрельное оружие. На одной из повозок, впрочем, лежал длинный американский карабин. Карлос, превосходно умевший обращаться с ним, приберегал его для более серьезных противников. Но каким образом попало это оружие в руки мексиканского сиболеро? Не забывайте, что наш герой не был настоящим мексиканцем. Карабин представлял собою фамильную реликвию. Он достался Карлосу в наследство от отца.

Мы не будем останавливаться на подробностях утомительного путешествия молодого сиболеро и его спутников по пустынному плоскогорью. Однажды им пришлось совершить переход в пятьдесят миль без капли воды. Только благодаря опытности и благоразумию Карлоса удалось маленькому каравану достигнуть намеченной цели.

Дав возможность животным напиться вдоволь на последнем водопое, сиболеро двинулся в путь после полудня и начинал подумывать об отдыхе только на рассвете. Первый привал продолжался не больше часа или двух. Карлос нарочно делал его перед восходом солнца, когда трава еще бывала покрыта росой и изнуренные волю, мулы и лошади могли хоть отчасти утолить свою жажду. Второй переход длился обыкновенно до полудня. В самое жаркое время путники отдыхали. Дневной привал бывал гораздо длительнее утреннего. Карлос решался продолжать путешествие только с наступлением вечерней прохлады. К концу следующей ночи ему большей частью удавалось достигнуть очередного водопоя.

Такой системы до сих пор придерживаются путешественники по пустынным степям Чихуахуа<sup>47</sup>, Соноры<sup>48</sup> и Северной Мексики.

Прошло много дней, прежде чем отряд сиболеро оставил за собою унылое плоскогорье. Наконец, спустившись вниз по восточному склону, Карлос и его спутники очутились в долине одного из притоков Красной реки. Характер окружающей местности резко изменился. Перед глазами усталых путешественников открылась «волнообразная прерия». Со всех сторон возвышались небольшие пологие холмы, закругленные вершины которых придавали всему пейзажу какую-то своеобразную прелесть. Между этими холмами тянулись зеленые долины, орошаемые светлыми и блестящими потоками. По берегам виднелись небольшие рощицы, состоящие главным образом из вечнозеленых падубов, красивых пеканов, обвешанных продолговатыми и необычайно вкусными орехами, стройных тополей, раскидистых ив и серебристого хлопчатника. По склонам холмов, на почти одинаковом расстоянии друг от друга, росли большие величественные деревья. Глядя на ровные ряды их, можно было подумать, что они посажены рукою человека. Пышные красивые верхушки, тонкие перистые листья и длинные коричневые плоды, свисавшие с веток, свидетельствовали о том, что это знаменитые мецкитовые деревья, или американские акации. Над самой водой склонялись красные шелковицы. Кое-где виднелись дикие чайные деревья, обращающие на себя внимание красивыми лиловыми цветочками. И склоны холмов и долины были покрыты ярким ковром сочной травы. В общем местность производила на редкость отрадное впечатление.

Едва успел сиболеро вступить на эту благодатную землю, как ему стали еще чаще и чаще попадаться следы бизонов. На следующее утро он неожиданно натолкнулся на громадное стадо. Не обращая ни малейшего внимания на приближающихся людей, бизоны продолжали спокойно щипать траву. Они вели себя не как дикие обитатели прерий, а как домашние животные. Карлос не заметил в них и тени страха.

---

<sup>47</sup> *Чихуахуа* – штат Северной Мексики, расположенный в горной местности. Много природных богатств: золото, серебро, медь, каменный уголь и прочее. Сильно распространено скотоводство.

<sup>48</sup> *Сонора* – один из приморских штатов Мексики. Климат теплый. Почва плодородная. Главные реки: Майо, Якуя и Сонора. Значительная часть штата населена индейцами. Много золота, серебра, меди, свинца, каменного угля и тому подобного.

Цель долгого и утомительного путешествия была достигнута. Молодому сиболеро казалось, что он приехал на собственную ферму. Вокруг него простиралась его владения и разгуливал его скот. Он имел на этих животных такие же права, как и другие люди. Ему оставалось только приступить к охоте.

Что же касается торговли с индейцами, то в этом отношении он решил всецело положиться на случай. Рано или поздно краснокожие должны были повстречаться ему.

Подобно всем жителям прерий, как англосаксам и испанцам, так и индейцам, Карлос любил природу и понимал ее красоту. Вот почему он постарался выбрать как можно более живописное место для привала. Это была прелестная лощина, расположенная на берегах кристально чистого ручья, вода которого оказалась необыкновенно приятной на вкус. В тени пекагоав, шелковиц и дикого чайного дерева путники нашли отдых и прохладу. Под одной из шелковиц Карлос приказал раскинуть походную палатку.

## ГЛАВА XII

Решив остановиться на более или менее продолжительное время в гостеприимной долине, Карлос горячо принялся за охоту. В первые два дня он убил не менее двадцати бизонов. В то время как они вдвоем с Антонио преследовали животных и поражали их стрелами и копьями, двое индейцев занимались свежеванием и переноской шкур и туш. Третий пеон, оставшийся все время в лагере, очищал кожи и, нарезав мясо тонкими ломтями, сушил его на солнце.

Охота обещала быть чрезвычайно прибыльной. Карлос надеялся заготовить большой запас тесахо (вяленого мяса) и кож, которые всегда пользуются громадным спросом на мексиканском рынке.

На третий день, однако, охотники заметили резкую перемену в поведении бизонов.

Животные, до сих пор удивлявшие их своею кротостью, вдруг стали дикими и боязливыми. То одно, то другое стадо стремительно пробегало мимо охотников, точно спасаясь от чьего-то преследования. Карлос был уверен, что ни он сам, ни его помощники не могли внушить бизонам такого ужаса. Что же означало, в таком случае, их паническое бегство?

Молодой сиболеро высказал предположение, что где-нибудь по соседству появились индейцы.

Предположение его оказалось совершенно правильным. Поднявшись на холм, с вершины которого открывался прекрасный вид на долину, охотники увидели лагерь индейцев.

Этот лагерь был расположен в дальнем конце долины и состоял из пяти-шести шалашей, повернутых входными отверстиями к реке. Шалаша были сделаны из кольев, расположенных в форме конусов и покрытых кожей бизонов.

– Вакои! – воскликнул сиболеро в то самое мгновение, как его взор упал на них.

– Откуда вы знаете это, сеньор? – спросил Антонио. Метис обладал гораздо меньшим опытом, чем Карлос, с самого детства охотившийся в прериях.

– Как откуда? – ответил молодой американец. – Да ведь это сразу видно по устройству их шалашей.

– А я думал, что это команчи, – сказал Антонио. – Точно такие же шалаша строят «пожиратели бизонов».

– Нет, Антонио, – ответил сиболеро, – ты ошибаешься. Команчи строят свои шалаша совсем иначе. Они соединяют верхние концы кольев и покрывают их сверху кожами, не оставляя отверстия для дыма. Разница сразу бросается в глаза. Но, конечно, есть и много общего. Недаром же вакои – верные союзники команчей.

Внимательнее посмотрев на видневшийся внизу лагерь, Антонио принужден был согласиться с Карлосом. Колья, вбитые в землю, верхними концами своими неплотно прилегали друг к другу, оставляя небольшое отверстие для дыма. Устроенные таким образом шалаша напоминали усеченные конусы и этим отличались от похожих на правильные конусы шалашей команчей.

– Вакои не проявляют вражды по отношению к нам, – продолжал сиболеро. – По-моему, у нас нет причин бить тревогу. По всей вероятности, они не прочь поменяться с нами товарами. Но куда же они все девались, интересно знать?

Действительно, около шалашей не было видно ни одного живого существа – ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни даже животных. Между тем казалось совершенно невероятным, чтобы индейцы бросили свой лагерь на произвол судьбы. Даже в том случае, если бы какое-нибудь таинственное обстоятельство заставило их обратиться в бегство, они непременно захватили бы с собою кожи, служившие кровлями для их шалашей.

– Они должны находиться где-нибудь поблизости, – задумчиво произнес Карлос. – По всей вероятности, мы не видим их из-за холмов. Готов поручиться, что они охотятся за бизонами.

Догадка сиболеро оказалась правильной и на этот раз. В то время как он и его помощник смотрели вниз на шалаши, тщетно стараясь отыскать подле них какие-нибудь следы присутствия человека, внезапно послышались громкие крики, и на соседнем холме появилось несколько сот всадников. Они ехали шагом. Однако взмыленные бока их лошадей доказывали, что они возвращаются не с прогулки. Несколько минут спустя Карлос увидел второй, еще более многочисленный отряд индейцев. За ним следовали лошади и мулы, нагруженные огромными темными тушами, завернутыми в косматые шкуры. Рядом с мулами шли женщины и мальчишки-подростки. Шествие замыкалось ребятишками и собаками.

Подъезжая к своему лагерю с противоположной стороны, индейцы не сразу заметили Карлоса и его спутника.

Не прошло, однако, и нескольких минут, как присутствие их было обнаружено. Увидев на вершине холма двух незнакомых людей, один из индейцев тотчас же поднял тревогу. В одно мгновение ока спешившиеся были всадники снова вскочили на коней, готовые и к нападению, и к защите. Несколько человек поспешно бросились к обозу. Остальные скакали взад и вперед перед лагерем, словно ожидая появления невидимого противника.

По-видимому, они полагали, что на них готовятся напасть их смертельные враги – панисы.

Увидав причину тревоги индейцев, сиболеро решил как можно скорее успокоить их. Он пришпорил своего вороного мустанга, въехал на самую вершину холма и простоял несколько мгновений неподвижно, как бы давая понять вакоям, что в намерениях его нет ничего враждебного. По двум-трем движениям, знакомым с детства каждому обитателю прерий, и громко выкрикнутому Карлосом слову «друг» они окончательно поняли, что тревога их была напрасной. Молодой индеец на превосходном коне поскакал по направлению к холму и, остановившись шагах в тридцати от сиболеро, вступил с ним в переговоры. Собеседники объяснялись отчасти при помощи знаков, отчасти по-испански. Беседа их продолжалась недолго. Несколько мгновений спустя молодой индеец поскакал обратно в лагерь и, посоветовавшись со своими товарищами, вернулся к Карлосу, приглашая его и Антонио следовать за ним.

Не поколебавшись ни секунды, сиболеро ответил согласием на это любезное приглашение. Через полчаса он и его помощник с аппетитом ели поджаренные куски свежей говядины и дружески болтали со своими новыми знакомыми.

Вождь вакоев, красивый, статный человек, пользовавшийся громадным авторитетом среди своих соплеменников, почувствовал к Карлосу горячую симпатию. Узнав, что у сиболеро много ценных товаров, он очень обрадовался и обещал на следующее же утро прийти посмотреть их. Карлос был в восторге, что судьба столкнула его именно с племенем вакоев, представители которого, как известно, отличаются редкой привлекательностью и благородством.

Молодой сиболеро вернулся на место своей стоянки в прекрасном расположении духа. Индейский вождь обещал ему расплатиться за товары мулами. О более выгодной сделке Карлос не смел и мечтать.

На следующий день верные данному слову индейцы с раннего утра пришли в лагерь белых. Маленькая лощина, служившая резиденцией сиболеро и его товарищам, огласилась веселыми криками мужчин, женщин и детей. Распакованные товары пришлось разложить прямо на земле. Осмотр их продолжался целый день. Покупатели оказались людьми порядочными и сговорчивыми. Когда с наступлением ночи они двинулись в обратный путь, у Карлоса от всех его товаров не осталось буквально ничего. Зато тридцать великолепных мулов, являвшихся отныне его собственностью, мирно паслись в маленькой лощине. Они обошлись ему в восемь дублонов.

Но Карлос не собирался успокоиться на этом. Он твердо решил, что каждый из его тридцати пяти мулов вернется домой, нагруженный до отказа кожей и мясом бизонов.

Воображение рисовало ему приятные картины. Мечты одна соблазнительнее другой проносились в его голове. Он страстно хотел сделаться состоятельным человеком, потому что только деньги могли дать ему право претендовать на руку Каталины. А образ ее неотступно стоял перед его глазами.

«Когда я стану богатым, – думал он, – дон Амброзио переменит свое отношение ко мне».

В эту ночь светлы и радостны были сны сиболеро Карлоса.

## ГЛАВА XIII

На следующий день Карлос приступил к охоте с удвоенной энергией. Теперь он мог увезти с собою громадные запасы. Нечего было больше бояться, что их придется бросить где-нибудь в пути. К его старым мулам прибавилось тридцать новых. Тридцать пять мулов и двенадцать волов, запряженных в повозки! Да ведь это целый обоз, на котором уместится груз стоимостью в несколько сот долларов!

Кроме мулов Карлос получил от индейцев несколько выделанных кож, за которые уплатил сущие пустяки. По желанию покупателей он отдал им пуговицы со своей куртки, несколько золотых галунов и металлических пряжек. Вакоям казалось ценным все, что блестело.

Купить у белых оружие индейцы не пожелали. У них были точно такие же луки и копья. Они и сами с удовольствием бы променяли их. А с длинным американским карабином, который им очень понравился, Карлос не расстался бы и за сто мулов.

Ближайшие два дня сиболеро охотился без передышки. Бизоны становились с каждым часом все более недоверчивыми и дикими. Скоро внимание Карлоса было невольно привлечено одним странным обстоятельством. Он заметил, что испуганные стада, то и дело стремительно пронесившиеся мимо лощины, бегут с севера. Между тем вакои охотились к югу от места его стоянки. Значит, причина страха бизонов лежала не в них. Но где же искать ее?

Весь третий день после посещения индейцев Карлос провел на охоте. Вернувшись, он тотчас же лег спать. До полуночи маленький лагерь взялся охранять Антонио. Ровно в двенадцать часов его должен был сменить один из пеонов.

Метиса сильно клонило ко сну. Он с раннего утра вышел из лагеря и в течение всего дня ездил по степи, преследуя бизонов. До окончания его дежурства оставалось еще полчаса. Он еле держался на ногах и честно боролся с одолевавшим его сном. Вдруг с той стороны, где паслись привязанные к кольям мулы, раздалось какое-то странное фырканье.

Антонио моментально пришел в себя, опустил на колени, приложил ухо к земле и прислушался. Почти тотчас же снова раздалось фырканье. Потом еще и еще. Промежутки между звуками были очень коротки.

«Что это значит? – подумал Антонио. – Может быть, наши мулы испугались койотов? Или медведь бродит где-нибудь поблизости? Во всяком случае, надо разбудить хозяина».

Неслышными шагами приблизившись к Карлосу, метис осторожно дотронулся до его руки. Почувствовав это легкое прикосновение, сиболеро вскочил с походной кровати и схватился за карабин. В минуты опасности он предпочитал огнестрельное оружие всякому другому.

Обменявшись несколькими короткими фразами, Карлос и Антонио подняли на ноги пеонов. Маленький отряд занял позицию в центре небольшого загона в форме треугольника, образованного повозками. Высокие деревянные стенки их могли служить надежным прикрытием против стрел. Огней в лагере Карлоса не было. Мрак, царивший в облюбованной им лощине, казался еще глубже от тени, отбрасываемой густой листвой тутовых деревьев. Оставаясь невидимыми, Карлос и его спутники могли легко наблюдать за всем, что происходило в прерии. Если бы не черневшие кое-где рощицы, вся окружающая местность была бы перед ними как на ладони. Глядя на темные деревья, Карлос думал, что за их стволами, по всей вероятности, кто-то прячется.

Затаив дыхание и напряженно вглядываясь в темноту, охотники прислушивались к каждому звуку. Так прошло минут десять. Вдруг им показалось, что к мулам осторожно крадется какая-то черная фигура. Однако света было настолько мало, что и Карлос, и Антонио, и индейцы не оказались в состоянии разглядеть ее. Во всяком случае, она двигалась крайне медленно. Можно было даже подумать, что она стоит на одном месте.

В конце концов Карлосу это надоело. Он вышел из треугольника, образованного повозками, и, сопровождаемый своим верным Антонио, тихонько пополз вперед. Очутившись на сравнительно близком расстоянии от беспокоившего их предмета, они оба отчетливо увидели, что он двигается.

– Это, несомненно, живое существо, – прошептал сиболеро.

Едва успел он произнести эти слова, как мулы опять тревожно зафыркали. Некоторые из них стали бить копытами землю.

– По всей вероятности, это медведь, – продолжал Карлос. – Он может смертельно напугать наших мулов. Надо попробовать подстрелить его.

С этими словами он поднял свой карабин, прицелился и спустил курок.

Эффект от его выстрела был поразительный. Казалось, он разбудил всех чертей преисподней. Сотни человеческих голосов слились в один нестройный хор, раздавался топот нескольких сот копыт, мулы с душераздирающим ревом заметались во все стороны и, вырвав из земли те колья, к которым они были привязаны, бешеным галопом помчались в темноту. Большой отряд всадников, как будто только и поджидавший этого момента, тотчас же окружил перепуганных животных и погнал их куда-то вперед. Не успел Карлос прийти в себя от изумления, как и те и другие бесследно исчезли.

В долине не осталось ни одного мула. Место, на котором они только что паслись, было совершенно пусто.

– Я разорен! – глухим голосом воскликнул сиболеро. – Все пропало!

В голосе Карлоса звучало и бешенство, и горе.

Действительно, положение его было крайне неприятное. Радужные надежды, уже согревшие и ослепившие его своим светом, потускнели в одну минуту. Еще полчаса назад он считал себя состоятельным человеком. Теперь от его каравана не осталось и следа. Он даром потерял массу сил и времени. Долгое, опасное, утомительное путешествие не дало ему ничего. Он вернется домой с пустыми руками, не обогащенный, а разоренный. Ведь его пять мулов, купленные специально для этой экспедиции, пропали вместе с тридцатью остальными. Все достояние сиболеро заключалось теперь в двенадцати волах и вороном мустанге. На трех повозках провизии поместится не больше, чем это необходимо для него и его спутников на обратную дорогу. Ему не удастся привезти домой ни кож, ни тесахо.

Вот какие мысли вихрем пронеслись в мозгу сиболеро в то время, как он смотрел вслед исчезающим индейцам. Гнаться за ними не имело никакого смысла. Разумеется, великолепный конь быстро домчал бы его до грабителей. Но одолеть такое множество врагов ему было не под силу. Они быстро прикончили бы его своими копьями.

Карлос приказал крепче привязать волов к повозкам. У него были все основания бояться вторичного нападения индейцев. Отказавшись от желанного отдыха, сиболеро и его товарищи решили бодрствовать до самого утра.

## ГЛАВА XIV

Печально провел Карлос эту ночь. Тягостные мысли не давали ему покоя. У него отняли то, что он добыл с таким трудом. Индейцы, со всех сторон окружавшие место его стоянки, могли в любую минуту подкрасться к нему и убить его. Он находился на расстоянии нескольких сот миль не только от своего ранчо, но и от какого-либо городка, населенного белыми. Да и зачем ему возвращаться домой? Увидав его пустые повозки, люди, пожалуй, еще осмеют неудачника. Надежды на возмещение убытков у него не было никакой. Он знал, что правительство не найдет нужным вступить за человека, занимающего такое скромное положение. Впрочем, испанские солдаты при всем желании не могли бы совершить переход через Льяно-Эстакадо. Испанские солдаты! Полно! Смешно и думать, что Вискаarra и Робладо соблаговолят послать даже незначительный отряд против индейцев, обидевших бедного сиболеро. Зачем тешить себя ребяческими мечтами? К действительности надо относиться трезво. Его ограбили. Он должен смириться с этим. Будущее рисовалось Карлосу в самых мрачных красках.

Сперва он думал было пойти на рассвете в лагерь вакоев и высказать им все свое негодование. Но потом ему стало ясно, что такая прогулка была бы совершенно бессмысленна. К тому же вряд ли он застал бы своих коварных друзей на месте их прежней стоянки. По всей вероятности, они поспешили уйти куда-нибудь подальше.

Всю ночь Карлос никак не мог успокоиться; злоба комком подступала к его горлу. Вернуть украденных мулов ему не удастся. Но зато месть доступна ему. У вакоев есть враги. Несколько соседних индейских племен постоянно соперничают с ними. Карлос знал, что из этих племен могущественнее и опаснее других панисы.

«Моя участь горька, – думал молодой сиболеро. – Зато как сладостна месть! Что, если пойти к этим панисам, рассказать им о случившейся со мною беде и предложить им услуги моего копья, лука и карабина? Я никогда не имел дела с панисами. Но ведь меня считают недурным воином. Едва ли они откажутся от такого союзника, как я. Мои спутники – ведь мы знаем друг друга не первый день – последуют за мной в огонь и воду. Они тоже умеют держать в руках оружие. Итак, выход найден. Остается только отыскать панисов».

Последние слова Карлос произнес вслух. Голос его звучал мрачной решимостью. Молодой сиболеро принадлежал к числу людей, быстро принимающих решения и умеющих приводить эти решения в исполнение. В том, что он горел жаждой мести, не было ничего удивительного. Низкое коварство вакоев возмутило его до глубины души. Перспектива бесславного возвращения домой, естественное желание наказать ограбивших его негодаев, надежда вернуть хоть часть похищенного добра – все это укрепляло его в принятом решении. Почувствовав прилив бодрости и энергии, он готов был уже поделиться своими планами с остальными членами маленького отряда, как вдруг раздался задумчивый голос Антонио.

– Сеньор, – сказал метис, словно подводя итог размышлениям, в которые он был довольно долго погружен, – вы не заметили ничего странного?

– Когда, Антонио?

– Во время бегства мулов.

– А, по-твоему, было что-нибудь странное?

– Да. Мне показалось, что отряд наших врагов только наполовину состоял из всадников. Остальные были пешие.

– Ты прав, Антонио! Я тоже обратил на это внимание.

– Я много раз видел, сеньор, как индейцы племени команчей угоняли чужие стада. Они всегда бывали на лошадях.

– Ну, так что же? Ведь наших мулов угнали не команчи, а вакои.

– Совершенно верно, сеньор. Но я слышал, что вакои, как и команчи, никогда не принимают набегов иначе, чем верхом.

– Да, – согласился сиболеро, – это действительно странно.

– Не заметили ли вы чего-нибудь еще более странного, сеньор? – продолжал метис.

– Нет, – ответил Карлос. – По правде сказать, я вообще ничего не заметил. Я был так поражен, так взволнован, что не обращал внимания на окружающее. Но что же ты заметил еще, Антонио?

– Среди отчаянных воплей и шума, которые поднялись сразу после вашего выстрела, я несколько раз слышал громкий свист.

– В самом деле?

– Несколько раз, и притом чрезвычайно отчетливо.

– Как это я не услышал его? – пробормотал сиболеро, обращаясь скорее к самому себе, чем к своему собеседнику. – Ты ручаешься, что тебе это не почудилось?

Два-три мгновения Карлос молчал, напряженно размышляя.

– По всей вероятности... – взволнованно пробормотал он, как будто забыв о присутствии метиса, – наверное... Черт возьми! Конечно же это был...

– Что, сеньор?

– Свист панисов.

– Вот это-то и пришло мне в голову. Команчи никогда не свистят. Киавы тоже. Я никогда не слышал, чтобы вакои подавали друг другу сигналы свистом. Что, если нас ограбили панисы? К тому же отряд только наполовину состоял из всадников. Скорее всего, это были именно они.

Мысли Карлоса сразу приняли другое направление. Предположение Антонио казалось ему не лишним основанием. Свист действительно является характерной особенностью племени панисов. То обстоятельство, что конных грабителей сопровождали их пешие товарищи, подтверждало догадку метиса. Карлос знал, что южные индейцы никогда не рискнули бы совершить набег без соответствующего количества лошадей. Панисы же, будучи превосходными наездниками, часто отваживаются пускаться пешком в самые опасные экспедиции. Надо сказать, что возвращаются они из этих экспедиций почти всегда на конях.

«Напрасно я обвинял бедных вакоев, – думал сиболеро. – Моих мулов похитили не они».

Вдруг новое подозрение промелькнуло у него в уме. Может быть, вакои нарочно подражали свисту панисов, чтобы ввести его в заблуждение? От их лагеря до места стоянки Карлоса ничего не стоило дойти пешком. По всей вероятности, этим и объяснялось то, что не все грабители приехали на лошадях.

При встрече вакои, разумеется, не преминут сказать ему, что его мулов угнали появившиеся по соседству панисы. А между тем мулы будут спокойно пастись в каком-нибудь укромном местечке.

– Нет, Антонио, – сказал сиболеро после минутного раздумья, – нет. Я почти уверен, что наших мулов похитили вакои.

– Мне не хочется верить этому, сеньор, – заметил метис.

– Я вполне разделяю твои чувства: мне самому очень понравились вакои. Признаться, с того дня, как они побывали у нас в гостях, я часто думал о них с глубокой симпатией. Мне было бы жаль, если бы они оказались нашими врагами. Но, должно быть, это именно так.

Несмотря на уверенный тон, с которым Карлос произнес эти слова, сомнения все-таки продолжали терзать его. И чем больше размышлял он на эту тему, тем сомнения эти становились сильнее. Ему вспомнилось одно обстоятельство, как будто доказывавшее невинность вакоев. Когда он поделился своими соображениями с остальными охотниками, они вполне согласились с ним.

Обстоятельство, пришедшее ему на память, давно обратило на себя внимание и остальных охотников. В течение нескольких последних дней мимо них часто пробегали большие

стада бизонов. Они направлялись с севера на юг. Очевидно, их настойчиво преследовал какой-то охотничий отряд. Между тем вакой все время охотились к югу от стоянки сиболеро. Значит, поблизости находилось какое-то другое индейское племя.

Карлос снова упрекнул себя в недостатке доверия к своим новым друзьям. Сомнения с удвоенной силой охватили его. Оставалось только надеяться, что их рассеет свет наступающего утра.

Молодой сиболеро твердо решил поехать в лагерь вакоев, чтобы узнать от них правду и открыто высказать все свои предположения.

Как только первые отблески зари позолотили изумрудную траву прерии, зоркие глаза метиса Антонио, все время устремленные вдаль, остановились на каком-то странном предмете, валявшемся на земле недалеко от того места, где еще недавно паслись принадлежавшие Карлосу мулы. Может быть, это куст? Нет, темный предмет ни в коем случае не был кустом. В этом метиса убедили его очертания. Скорее он напоминал какое-нибудь животное. Уж не большой ли это волк? Предмет этот лежал недалеко от группы деревьев, между которыми прокрадывалось ночью живое существо, которое охотники приняли за медведя и в которое стрелял Карлос.

Сильно заинтересованный Антонио подозвал своего хозяина и указал ему на видневшийся вдали предмет. Прячась за повозками, оба они стали внимательно рассматривать его. Но при слабом свете еще не выглянувшего из-за холмов солнца им не удалось увидеть почти ничего.



По мере того как день вступал в свои права, очертания загадочного предмета становились все более и более определенными. С каждой минутой любопытство охотников увеличивалось.

Им очень хотелось выйти из-под прикрытия и рассмотреть как следует неподвижно лежащую фигуру. Только страх вторичного нападения индейцев заставлял их быть благоразумными.

И все-таки они в конце концов не выдержали. Мало-помалу одно предположение стало все чаще мелькать в их умах. Выйдя из загона, образованного повозками, они двинулись по направлению к маленькой роще.

Приблизившись к таинственному предмету, Карлос и Антонио убедились в том, что их догадка была правильной. Перед ними лежал, уткнувшись лицом в землю, мертвый индеец. Тщательно осмотрев труп, охотники обнаружили глубокую рану в боку, из которой, по-видимому, вытекло большое количество крови. Судя по всему, индеец был сражен пулей из карабина. Выстрел Карлоса не пропал даром.

Нагнувшись, Антонио перевернул тело на спину. Убитый был, несомненно, воином. Об этом свидетельствовала разрисовка его груди и лица. Очевидно, он старался придать себе как можно более угрожающий вид. Больше всего, однако, поразила охотников его прическа. Волосы на висках и затылке были гладко выбриты, а посередине коротко обстриженной головы красовалась прядь длинных волос, переплетенных с перьями и болтавшихся наподобие косы по плечам мертвеца. Ярко-малиновая краска, густым слоем покрывавшая его виски, щеки и плечи, еще больше оттеняла восковую бледность лба, носа и рук. Губы индейца совершенно посинели, а глаза слегка выкатились. В общем, труп производил очень тяжелое впечатление.

Посмотрев в течение нескольких минут на мертвеца, Карлос поднял голову, взглянул на своего товарища и, указав сперва на прическу индейца, а потом на его мокассы, произнес только одно слово:

– Панис.

## ГЛАВА XV

Убитый воин принадлежал к племени панисов. Длинная коса, покррой мокассин и особенности разрисовки – все доказывало это.

Сиболеро был очень доволен своим открытием. Он радовался и тому, что его друзья вакои не оказались предателями, и тому, что ему удалось наказать одного из своих обидчиков, и тому, наконец, что у него появилась некоторая надежда на возвращение похищенных мулов. Ему пришло в голову обратиться за помощью к вакоям.

В этом намерении не было ничего неосуществимого. Как уже говорилось, вакои и панисы беспрерывно враждовали между собой. Карлос был уверен, что, услышав о появлении северных индейцев, его новые друзья не замедлят пуститься за ними в погоню. Что мешает ему присоединиться к ним? Хорошо вооруженный отряд из пяти человек может принести немалую пользу. А в случае победы над панисами вакои вряд ли откажутся возвратить похищенное у него добро.

Первым побуждением Карлоса было мчаться галопом в лагерь вакоев, рассказать им, что вокруг бродят их враги, и предложить свою помощь.

Потом им овладела нерешительность. И он, и Антонио вспомнили, что панисы сами бросились в сторону вакоев. До лагеря их было не больше двух миль. Найти его не стоило никакого труда. Что, если панисы напали на вакоев врасплох и разбили их?

Такое предположение казалось вероятным – более чем вероятным. Время для набега на врагов было самое подходящее. Панисы угнали мулов незадолго до полуночи. Сразу после этого они отправились к лагерю вакоев. Сражение между враждующими племенами произошло, по всей вероятности, между полуночью и рассветом.

Карлос боялся, что предупредить вакоев о грозившей им опасности уже не имеет смысла. А вдруг они все погибли? Как бы то ни было, он решил направиться в их лагерь.

Дав метису и пеонам ряд наставлений на случай вторичного набега панисов и приказав им защищаться до последней капли крови, сиболеро двинулся вперед. Кроме лука и копья он захватил с собою и карабин. Было еще довольно темно. Но он хорошо знал дорогу в стан вакоев и ни разу не сбился с пути. Долгий опыт научил его осторожности. Он ехал довольно медленно, внимательно вглядываясь в каждое деревцо и осматривая с высоты каждого холма расстилавшуюся перед ним местность.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.